

Фридрих Евсеевич Незнанский

Когда он проснется

Серия «Господин адвокат», книга 6

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137015
Ф.Незнанский Когда он проснется...: АСТ; Москва; 1999*

Аннотация

Большая политика - самая грязная игра в мире. Но иногда эта игра становится еще и кровавой. И тогда похищают, шантажируют, подставляют, лгут. И тогда последним аргументом становится пуля киллера. И тогда новое дело «господина адвоката» превращается в безумную круговерть событий, в пугающий, неистовый водоворот засад и погонь, в цепь странных совпадений, в череду исчезновений и находок. Тогда цена истины - высока, а отступить уже поздно...

Содержание

1	4
2	22
3	63
4	76
5	94
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Фридрих Незнанский

Когда он проснется...

Иногда жизнь преподносит такие неожиданные сюрпризы, что начинаешь сомневаться — читаешь ли ты детективный роман или, к примеру, находишься в кинотеатре...

Норман Фишер, американский публицист

1

— Нет, нет, Левчик, ты не врубаешься, униатство — это как раз самая клевая вера.

Крупный бритоголовый парень с льняным чубом, в расстегнутой кожаной куртке из белой пушистой овчины, сидя вполоборота к водителю, оживленно и убедительно жестикулируя, пытался донести до своего собеседника весь сокровенный смысл идеи единой христианской церкви. Это у него получалось не ахти как, но недостаток своего красноречия чубастый парень компенсировал искренней и непоколебимой уверенностью в своей правоте. Парень говорил с сильным малороссийским акцентом.

— Это самая подходящая вера для нас. Должна же быть у Украины своя церковь? Ну ты понимаешь, католицизм для поляков, православие для москалей, в Германии, скажем,

протестантизм... А для Украины необходимо иметь свою веру, чтобы государственная идея была, понимаешь? Идея объединения всех украинцев против москалей и ляхов. И всех остальных. А это как раз униатство.

Старенькая темно-вишневая, давно не мытая «девятка» проехала мимо станции метро «Университет» и, свернув с проспекта Вернадского на тихую улицу, ведущую к МГУ, притормозила метрах в ста от автобусной остановки. За деревьями, обильно припорошенными пушистым снегом, за высокой решетчатой оградой, желтели немногочисленные университетские корпуса. От них до остановки вела через газоны расчищенная от снега узкая тропинка. Рядом, с другой стороны улицы, возвышалась темно-серая громада Московского университета.

Остановка была пуста. Вскоре появился мужчина в короткой дубленке с портфелем, успел на ходу заскочить в подошедший автобус и уехал. Вишневая «девятка» с тонированными стеклами стояла у обочины, не заглушая двигателя. Прохожие не обращали на машину никакого внимания.

— Униаты — это ж секта? — неуверенно предположил водитель «Жигулей», которого чубастый собеседник называл Левчиком.

Он был немного старше парня в овчинной куртке и, судя по чистому выговору, являлся москвичом, но прислушивался к словам своего напарника с явным интересом и уважением. Однако в его глазах было еще одно — тревога.

— Идея унии — снова объединить православных и католиков, сечешь? Чтобы была единая христианская религия. При Екатерине униатство запретили, потому что москали боялись, что у нас будет своя церковь, — уверенно доказывал белочубый, время от времени делая небольшие паузы, чтобы подыскать русский аналог украинскому слову, — а теперешние красные попы вообще его боятся, как черт лада-на. А униатство пришло к нам из Византии, из Константинополя. Когда патриарх Константинопольский призвал всех христиан, католиков и православных снова объединиться в одну церковь, москали первыми откололись и создали свою патриархию. А теперь, когда мы хотим создать свою церковь, московские попы анафемой грозятся. А что нам их анафема? Тьфу — и растереть.

Водитель «девятки» разбирался в истории еще меньше своего «идейного» собеседника, а подозрительная каша из исторических фактов окончательно поставила его в тупик.

— Ты хочешь сказать, что униатство должно быть государственной религией? А если это случится, то что? — спросил он. — Ты думаешь, лучше будет?

— А чего ж?! Конечно, лучше! — уверенно ответил бритоголовый. — По крайней мере на поклон к московским попам ездить не придется. И Рождество будем праздновать цивилично, не седьмого января, а двадцать пятого декабря, как все нормальные люди. Как Европа.

— А Пасху? — заинтересовался Лева.

— Пасху тоже.

— Что «тоже»? Когда будем отмечать, по католическому календарю или по христианскому?

— Не «по христианскому» говорить надо, а «по православному». Эх ты, москаль недобитый! — ухмыльнулся сторонник униатства. — Пасху тоже вместе со всей Европой праздновать будем. Такие времена настанут, Левчик...

— По католическому, значит? — насупился Лева.

— А тебя жаба душит? — заржал его собеседник.

— Нет, просто... Почему именно все надо делать по католическому?

— А чтоб назло твоим москальским попам.

— Так что, выходит, униатство — это просто католичество, только на украинской мове?

— Дубина ты стоеросовая, — обиделся бритоголовый. — Объясняй тебе, объясняй, а все не доходит.

Разговор сам собой затух. Сидящие в машине то и дело поглядывали на часы. Они явно кого-то ожидали. И водитель, и его собеседник в куртке из овчины не сводили глаз с тропинки, ведущей к одному из университетских корпусов.

— Ну де ж вона? — нетерпеливо теребя пуговицу, приговаривал «малоросс».

Тот, кого они ждали, должен был появиться с минуты на минуту. Он или, вернее, она ходила по этой тропинке каждый день. Но сегодня она почему-то задерживалась.

Стоял морозный солнечный день. Ночью и утром в

Москве шел снег, и белоснежные сугробы по обе стороны узкой расчищенной тропинки искрились, слепя глаза. Весело чирикали снегири, перепрыгивая с ветки на ветку, отчего отдельные снежинки, а то и небольшие комки снега падали вниз. Чистый морозный воздух был особенно прозрачен.

— А почему православие не может быть на Украине государственной религией? — нарушил молчание водитель.

— Потому что православие — русская вера, — наставительно ответил бритоголовый парень, — все, кто ходят в церковь, — русские. Кто в костел — католики. Нужно же, чтобы и украинцу было куда пойти? Справедливость должна быть?

— Не ведь есть отдельная Украинская православная церковь? — несмело возразил Левчик.

— А автокефальная православная церковь вроде секты, — строго отвечал чубастый, — русский патриарх на нашего анафему наложил, как на Мазепу.

— Поэтому Кучма своего отца в русском православном храме отпевал, а не в автокефальном? — спросил Лева, внимательно что-то про себя обдумывая.

Парень в овчинной куртке несколько раз смигнул. От напряженного всматривания у него заслезились глаза.

— От бис, — выдохнул он. — Солнце слепит.

Достал из кармана куртки солнечные очки и надел.

— Вот я потому и говорю, что лучше было бы государственной религией сделать унияство. Все сразу ясно станет. Кидал бы ты, Лева, свою Москву да перебирался обратно к

нам у Львов. Там сейчас весело. Хлопцы так гарные дела робят, закачаешься. А то ты тут совсем обмоскалился, гляжу. Зараз, як у мови розмувляти, забув. Так, чи ни?

Водитель вздохнул, немного сдвинул на затылок аудионаушники, подключенные к обычной автомагнитоле. Из-за них он плохо слышал своего напарника.

— Мороз сегодня, — задумчиво произнес он. — Слишком холодно, чтобы стоять. Все пешком до метро топают. Может, она по другой дороге пошла?..

— Не, она точно придет... Следили же. Наблюдали. Кожный день ходить, значит, и зараз пойдеть.

Они снова помолчали.

— Богдан, а у униатов свои святые есть? — спросил Лева.

По всему было видно, что эта идея глубоко его поразила и теперь, несмотря на напряженность момента, никак не шла из головы.

— Есть, — не очень уверенно ответил парень в овчинной куртке и резко поменял тему разговора: — Да, Львов теперь бы ты не узнал. Гарно там. Москаля у нас по улицам шастать теперь так запросто, как раньше, не рискуют. Заходим мы раз с хлопцами в «Бульбяную» на проспекте Джохара Дудаева, слышу, в углу за столиком кто-то нагло так по-москальски чешет языком. Подхожу к ним, говорю: «Хлопцы! На родиме нашего проводыря Семена Бандеры брехать по-москальску дюже не раю». А там трое таких лохов, знаешь, сразу замигусились, один на мове ко мне: «Дзецюки, ми сами вкраин-

ци, то наш сябор з Литвы не говориць на украи́нськой мове». Видал бы ты, как они хвосты прищучили.

Слушая напарника, Лева мечтательно улыбнулся.

Остановка постепенно заполнялась людьми. Со стороны университетских корпусов вышла толпа подростков лет семнадцати-восемнадцати, все в ярких «кислотных» прикидах. Парня в овчинной куртке особенно поразил subtilный молодой человек с рыжей донкихотской бородой и усами, в красных джинсах и пестрой вязаной шапочке.

— Видал? — ухмыльнулся он, кивком показывая Леве на студента. — Цирк сгорел, и клоуны разбежались. Вот у Льви-ви мы такому враз бороденку-то повыщипываем.

— Занятия кончились, а ее нет, — повторил Лева.

Ему было не по себе. Хоть он и вызвался добровольно помочь землякам повернуть это дело, но в его планы не входило долго стоять в запрещенном месте на виду у прохожих. Да и вообще, положив руку на сердце, дельце это ему не слишком нравилось.

— Ничего, Лева, не журыся, будет тебе белка, будет и свисток. Сейчас она появится.

Богдан достал из пачки последнюю сигарету, закурил, смятую пачку выбросил в форточку.

Водитель, ничего не отвечая, снова надел наушники и продолжал всматриваться в пеструю толпу, идущую по тропинке со стороны университета. Время от времени он бросал нетерпеливый взгляд на стрелки часов на приборном щитке.

Со стороны казалось, будто он слушает музыку.

— Вон она, — внезапно сказал Богдан.

— Где?

— В блакитной... э-э, в голубой шубе. Идет мимо остановки. Не одна. З парубком.

— Вижу. Остановилась возле киоска. И фраер с ней. Кто такой? Ты его раньше видел?

— Не, не видел. Какая разница? Побубнят и разойдутся.

Водитель не сводил глаз с парочки.

Девушка в длинной шубе из меха голубой нутрии и ее спутник — высокий парень в спортивной куртке с фирменным значком «Найк» на спине — остановились у рекламного щита метрах в десяти за остановкой.

— Ну что, Лева, их слышно?

— Так, более-менее.

Водитель отрегулировал громкость на щитке автомагнитолы. Микрофон направленного действия был установлен снаружи, на месте антенны. В наушниках среди уличных шумов и разных других помех слышались голоса девушки в голубой шубе и ее приятеля.

— Кажется, сегодня еще холоднее, чем вчера, — сказала девушка.

— Минус семнадцать, — ответил ее кавалер. — Я посмотрел на термометр, когда выходили.

— Я уже дошла до семидесятой страницы, но так еще и не поняла, кто убил миссис Редгрейв.

— А это пока еще не известно, Дженнифер выяснит все в последней главе.

Девушка облегченно вздохнула:

— Слава богу! Значит, я не такая тупая, как мне показалось. Вообще, Костя, у меня искушение зайти в библиотеку, найти перевод этого романа и узнать все по-быстрому, чем там дело кончилось.

— Я так и думал, поэтому специально для тебя выбрал такой роман, который у нас еще не издавался.

Девушка и ее приятель стояли на остановке, чуть переминаясь с ноги на ногу от сильного мороза.

— За что базарят? — Богдан нетерпеливо потеревил водителя за рукав. — Про что треплются?

— Так, ерунда всякая. Приготовься, сейчас будут расходиться.

— Костя, вот твой автобус, — сказала девушка. — Пока! Завтра увидимся.

Богдан подался всем телом вперед, готовясь выскочить из машины, но ничего не произошло. Они по-прежнему стояли вместе. Девушка в голубой шубе, видимо, никак не могла расстаться со своим приятелем.

— Блин! — Богдан откинулся на спинку сиденья.

— Тут стоянка запрещена, — недовольно сказал Лева. — Уже двадцать минут тут светимся, не хватало только гайшника.

— Спокойно, не дергайся. Дотреплются и разойдутся.

— А вдруг за ней машина сейчас приедет?

— Не приедет.

— Откуда ты знаешь?

— Лева, не е...и мне мозги! — отрезал Богдан.

Разросшаяся толпа на остановке неожиданно спрятала из виду парочку у рекламного щита.

— Подъезд поближе, — попросил Богдан. — Я их не вижу. Поближе подберись.

«Девятка» на малой скорости проехала мимо остановки и притормозила у обочины, по-прежнему не глуша мотор. Теперь рекламный щит оказался справа, и Богдану хорошо была видна девушка в голубой шубе и ее приятель. Они по-прежнему о чем-то беззаботно болтали, собираясь расходиться, но все еще медля. Услышав шум подъезжающей машины, девушка мельком посмотрела в сторону «Жигулей», но сразу же отвернулась.

— Не глуши мотор.

— Знаю, — огрызнулся Лева. — Она нас засекала.

— Не важно. Не трясись ты так. Все в порядке. Сиди спокойно.

Сзади к остановке подходил автобус. Шофер автобуса просигналил им, мол, чего встали, не загораживайте проезд. Лева еще немного подался вперед и прижался к самой обочине.

— Куда? Там снега выше колес! — рывкнул Богдан. — Завязнешь в самый момент — убью.

— Я что, нарочно? — примирительно сказал Левчик. — Хочешь, чтобы автобус весь зад нам помял?

— Тебе пять минут осталось сидеть в этих долбанных «Жигулях», а ты трясешься над каждой царапиной?

— Еще не известно, сколько мне в них сидеть, — буркнул тихо Лева.

— Побубни еще. Скажу батьке.

— Ладно, я ж ничего...

— И включи тарахтелку на всю громкость, я же не слышу ни хрена!

Лева снял наушники и переключил звук микрофона на динамик автомагнитолы. В салоне, почти заглушаемые посторонними звуками, зазвучали голоса девушки и ее кавалера:

— ...Собирается на Татьянин день устроить что-нибудь эпохальное. Ты в курсе?

— Нет. Меня они не пригласили.

— А ты сама хочешь пойти на этот бал?

— Не знаю. Мне как-то неловко... Я почти никого с нашего курса не знаю.

— Мне одному тоже идти не хочется. Может, пойдем вместе? У меня пригласительный на два лица. Хочешь пойти?

Девушка тянула паузу.

— Ну не телись, соглашайся скорее, — хмыкнул Лева.

Батька обещал ему за помощь в этом деле машину — почти новую «ауди» девяносто четвертого года выпуска, раста-

моженную и уже пригнанную с Украины. В Москве автомобиль стоил тринадцать тысяч, Леве, как своему, его отдавали за треть цены. Теперь, когда Богдан пригрозил пожаловаться батьке, Лева старался держаться перед напарником наигранно бодро.

— Даже не знаю, Костя. Наверное, было бы неплохо, — сказала наконец девушка.

— Значит, идем? — обрадовался ее приятель.

— Ладно, идем.

— Значит, скоро повеселимся. Я очень рад, правда. Пока!

— Пока-пока, скоро повеселитесь, — негромко пообещал им Левчик. — Очень скоро...

Совершенно неожиданно для него Богдан вдруг вылез из машины и пошел в сторону парочки.

— Куд-да ты?.. — только и успел процедить Лева сквозь зубы. Но Богдан уже не слышал своего напарника.

Глубоко проваливаясь в кучу снега, наметенную на краю тротуара, сунув руки в карманы овчинной куртки, Богдан равнодушно прошел мимо парочки, слегка толкнув плечом приятеля девушки в голубой шубе, и подошел к табачному киоску. В это время к остановке подкатил автобус-«гармошка», и плотная человеческая масса ринулась в распахнутые двери салона.

Богдан вытащил из кармана купюру и, протянув ее в окошко, получил взамен пачку сигарет. При этом чубастый не забывал поглядывать в сторону парочки.

Молодые люди решили наконец расстаться. Стоя спиной к «Жигулям», девушка помахала рукой своему кавалеру. Он в последний раз обернулся, запрыгнул в автобус. Остановка опустела: люди набились в автобус.

Лева почувствовал, что у него задрожали колени и руки покрылись липким холодным потом. Он выключил микрофон, приоткрыл заднюю правую дверцу и положил руку на переключатель коробки передач. За действиями Богдана он наблюдал в зеркало заднего вида.

Купив пачку сигарет, тот с независимым и равнодушным видом, сунув руки в карманы, продефилировал мимо девушки к «Жигулям», но потом, словно что-то вспомнив, вернулся и обратился к ней с вопросом. Как и было запланировано.

Девушка выслушала его, огляделась, пытаясь сориентироваться, и, показывая vareжкой в сторону проспекта, стала что-то толковать Богдану.

«Сейчас... Сейчас начнется... — думал про себя Лева, стараясь изо всех сил сдержать дрожь в руках. Его даже затошнило от волнения. — Скорей бы уже, чего он тянет?»

Внезапно быстрым натренированным движением Богдан поймал руки девушки, заломил их за спину так, что девушка согнулась пополам, свободной рукой натянул ей на голову капюшон шубы и, сжимая одной рукой ее запястья, другой держа за капюшон, головой вперед потащил жертву к машине.

Разумеется, он и не думал, что ему окажут сопротивле-

ние, но на деле все оказалось еще легче, чем он себе представлял. Девушка была маленького роста и такая легкая, что Богдан запросто поднял ее одной рукой за капюшон шубы, другой распахнул заднюю правую дверцу и, как щенка, легко зашвырнул на заднее сиденье. Потом залез и сам. Машина сорвалась с места.

Все происшествие заняло не больше минуты, и, скорее всего, на него никто не обратил внимания. Да, собственно говоря, на улице практически никого уже не было: все уехали в автобусе. Это совершенно не было похоже на похищения, которые показывают в боевиках: без криков о помощи, без сопротивления и угроз. Все произошло спокойно и буднично, как обычная семейная ссора, среди бела дня, на оживленной московской улице, и случайные очевидцы этого происшествия — пассажиры маршрутного автобуса — уже через несколько минут забыли об инциденте.

Все, кроме одного.

...Костя уже успел зайти в автобус и протолкаться к компостеру, когда в проталину на заиндевевшем стекле увидел, что незнакомый человек в черной овчинной куртке тащит Ольгу к машине.

— Пропустите! Дайте выйти! Не закрывайте двери, я выхожу! — крикнул он, проталкиваясь к выходу под недовольное шиканье пенсионерок, столпившихся у двери. Он так интенсивно застучал по дверям, что водитель, несмотря на инструкции, притормозил и открыл дверь.

Когда Костя выскочил из автобуса, то успел увидеть лишь, как «Лада», набирая скорость, обгоняет грузовик и сливается с потоком машин, идущих в сторону Ленинского проспекта. Через минуту машина скрылась. Однако Костя успел с толком использовать эту минуту. Он успел рассмотреть номер машины.

В полной растерянности Костя огляделся по сторонам. Все кругом было так же, как и пару минут назад. Мимо то-ропливо семенили прохожие, закрывая шарфами и варежками красные от мороза носы.

На том месте, где только что стояла «девятка», валялась смятая пачка сигарет «Кемел». Без всякой конкретной цели, интуитивно, Костя поднял ее и сунул в карман.

Машина скрылась за поворотом. Теперь на улочке, рядом с университетом, все было так, будто ничего и не произошло. Люди шли по своим делам, проезжали машины, на покрытых снегом ветках деревьев весело чирикали снегири. Только Костя Маковский знал о том, что произошло.

Что делать? Пожалуй, Костя знал ответ на этот вопрос.

Лева едва сдерживался, чтобы не гнать свою «девятку» как можно быстрее. Но ему приходилось ехать не быстрее семидесяти километров в час, чтобы не выделяться из ряда таких же грязных, замызганных, покрытых прилипчивой московской грязью автомобилей, в три ряда заполонивших проспект Вернадского.

Промелькнул гаишник в объемистом тулупе с поднятым воротником. На перекрестке со стороны центра скопилась страшная пробка, Лева мысленно возблагодарил Бога, что им не нужно ехать в том направлении.

В салоне «девятки» запахло эфиром.

— Что, что такое?! — заволновался Левчик.

— Я немного разлил на сиденье, — признался Богдан.

— Сколько? Много? Мы сами не вырубимся?

— Ты же у нас профессор, чего ты меня спрашиваешь?

— огрызнулся Богдан. — Я на всякий случай форточку не буду закрывать.

— А если девчонка очнется? — всполошился Лева. — Лучше закрой.

— Да ладно тебе. Ты лучше скажи: эта фигня вообще долго действует?

— Не очень. Несколько минут. Держи все время платок возле ее носа.

— Сколько это — «несколько»? Три минуты, пять, пятнадцать?

— Сколько надо, столько и будет! — разозлился Лева. — Только не отпуская платок.

Богдан заглянул в лицо спящей.

— А она не каюкнется? — с сомнением поинтересовался он.

— Не должна.

Ехали они не долго, минут пять, и вскоре свернули с

проспекта на узкую улицу. Потом проехали немного вниз, и вскоре машина, вписавшись в темную арку, оказалась во дворе жилого дома.

— Ну вот, — с облегчением вымолвил Левчик, — кажись, все тихо.

В занесенном снегом тихом дворе высотного сталинского дома, в условленном месте, их ожидал джип, синий «ниссан». За рулем сидел мужчина лет тридцати.

— Живе вильна Украина! — бодрым тоном приветствовал его Богдан.

— Здорово, Михась, — кивнул Лева.

Мужчина молча деловито кивнул.

Спящую девушку под руки вытащили из машины и положили в багажник джипа. Руки ее склеили за спиной широким скотчем.

— Рот тоже, — тихо посоветовал Михась.

Богдан оторвал зубами еще кусок скотча и наклонился, чтобы заклеить жертве рот.

— Подожди. — Лева накрыл лицо девушки платком и на всякий случай плеснул сверху на платок еще эфира. — Поверху заклеивай.

— Фу, гадость, — сморщился Богдан и, стараясь не нанюхаться эфира, задержал дыхание.

Девушку накрыли ковром и набросали сверху пустых картонных коробок от электрических чайников. Багажник заперли.

— Ну все, можешь прощаться со своей старушкой. — Богдан похлопал Леву по плечу.

Лева на всякий случай предусмотрительно протер руль своей машины носовым платком, вытащил магнитолу и вырвал из гнезда для антенны маленький радиомикрофон направленного действия, приобретенный давеча на Митинском радиорынке. Затем запер «девятку», а ключи зашвырнул подальше, за заборчик детского сада. Они пролетели метеором по широкой дуге и глубоко утонули в сугробе.

— Мог бы и в зажигании оставить, — сказал Богдан.

— Вот еще! Не хочу, чтобы какой-нибудь лох ее угнал.

Богдан хохотнул.

Подельники сели в джип. Зажглись фары. «Ниссан» спокойно вырулил со двора и исчез, слившись с потоком машин на залитом огнями проспекте.

День не задался с самого утра. Во-первых, будильник не зазвонил и я проспал. Во-вторых, торопясь на работу, я опрокинул полную кофеварку на пол, после чего остался почти без завтрака. Затем долго пытался завести мотор своей машины — из-за сильного мороза удалось это только спустя полчаса. Так что на работу я опоздал основательно. Можно было бы продолжать этот список — в-третьих, в-четвертых, но зачем? Неудачный день у меня сегодня — вот и все.

Зимы в Москве последнее время какие-то непонятные. Вроде бы по всем приметам еще ранней осенью ожидается страшная стужа, по крайней мере с середины декабря до конца февраля. Гидрометцентр устами симпатичных девушек в обтягивающих формы платьях ежедневно по нескольку раз пугает граждан «самыми сильными морозами со времен страшной зимы 1941 года». Депутаты твердят о сорванной подготовке к зиме, экономисты как дважды два доказывают, что до следующего марта нам всем просто не дожить. Остальная Россия еще куда ни шло, а вот Москва просто промерзнет насквозь и рассыплется на тысячу осколков, как сердце сказочного героя Кая из «Снежной королевы» (не путать с певцом Каем Метовым). Услышав все эти страшилки, люди кидаются кто куда. Зажиточные граждане оккупируют рынки и магазины меховых изделий, где затариваются дуб-

ленками и шубами. Те, кто победнее, бежит в электротовары, чтобы успеть запастись мощными отечественными рефлекторами до начала трескучих морозов.

А на деле? Столбики бесчисленных термометров, на которые по утрам устремляются тревожные взгляды москвичей, едва опускаются за нулевую отметку. Так продолжается первую неделю декабря, вторую, третью... Гидрометцентр, кажется, уже готов взять свои слова обратно. Граждане рассеянно перебирают свои покупки и почти уже жаждут наступления долгожданных морозов. И вот наконец на две-три недели за всю зиму устанавливается действительно холодная погода! Женщины надевают свои мохнатые шубы и становятся похожими на не ко времени выбравшихся из берлог медведей-шатунов. Девушки из Гидрометцентра с нескрываемым восторгом обещают усиления морозов. Машины по утрам отказываются заводиться. Дороги покрываются слоем льда, а ступеньки из-за утоптанного снега больше напоминают ледяные горки. Восстанавливается равновесие в мире. Правда, только на три недели...

С грехом пополам я добрался на работу. Для тех, кто, может быть, не знает, я — это Гордеев Юрий Петрович, адвокат юридической консультации № 10, которая находится в Москве по адресу Таганская, дом 34.

Принял в общей сложности я человек двадцать и часа в два со спокойной душой отправился домой. Кроме приема граждан, у меня в настоящий момент никаких дел нет. Что-

то не обращаются ко мне в последнее время клиенты. Все им Падву, Резника или, на худой конец, Барщевского подавай. Так что сижу я сейчас почти без работы — ну не считать же таковой консультации по поводу разводов или обменов квартир, которыми я занимаюсь ежедневно с десяти до двух.

Я залез в остывший салон своего далеко уже не нового «жигуля», вставил ключ зажигания и с замиранием сердца повернул. В общем-то я и не надеялся, что машина заведется с первого раза. Но мне пришлось около двадцати минут, чертыхаясь и ругая отечественную автомобильную промышленность, вертеть ключ, прежде чем из глубин двигателя моего старичка донеслось обнадеживающее урчание. Я сразу включил печку: за бортом было никак не меньше минус двадцати градусов, и я основательно продрог, пытаясь завести то, что я в шутку называю своей машиной. Короче говоря, около половины третьего я вырулил с маленького пяточка возле юрконсультации и покатил домой.

Вообще-то заботливые владельцы автомобилей стараются зимой вообще не ездить, оставляя своих железных питомцев в теплых гаражах на зимовку. Опасно колесить по обледенелому и ухабистому асфальту столичных улиц. Да и потом, когда наступит оттепель и на московские мостовые хлынут потоки круто просоленной грязной воды, моментально разъедающей металлический корд шин, тоже не самое хорошее время для езды по столице. Но я стараюсь об этом не думать. Московское метро в часы пик — вещь куда более неприят-

ная, чем какие-то там шины.

Зато в метро нет гаишников. Это действительно большой плюс — автомобилисты меня поймут. Никто тебя не остановит, никто не станет придираться... Хотите верьте, хотите нет, но именно в тот самый момент, когда я подумал о гаишниках, раздался короткий и крайне неприятный свисток, похожий на крик неизвестной, но очень гадкой птицы. Как мне кажется, что-то среднее между стервятником и птеродактилем, хотя последний никакая не птица, а, наоборот, ящер, что применительно к постовым гаишникам тоже очень даже подходит.

Причина злобного свистка тотчас открылась мне во всей своей трагической ясности. Задумавшись, я машинально чуть не подрезал едущий по правой полосе роскошный черный «БМВ» с большим правительственным флажком на номере и синей мигалкой на крыше. Конечно, ничего особенного не произошло, правительственная иномарка вильнула чуть в сторону, и все. Но постовой заметил этот маневр. Вот невезуха! Конечно же постовой, чтобы выслужиться перед неизвестным начальством, сразу же засвистел.

Эх, дурак я, дурак! Другие водители машины с правительственными номерами и мигалками за три версты объезжают от греха подальше, а я мало того что не заметил, так еще чуть не устроил аварию... Невезуха, одним словом.

Я подкатил к бордюру и остановился. Самой неспешной в мире походкой постовой направился ко мне. В этот момент

полагалось выскочить из машины и с заискивающей улыбкой броситься ему навстречу. Но было слишком уж холодно, и я решил остаться в машине, как это делают водители всего цивилизованного мира.

Это было моей ошибкой. Хотя, как сказать, может, и нет. Но что я избежал бы кучи приключений, свалившихся на мою голову, — это точно. Но обо всем по порядку.

Постовой шел к моей машине со скоростью улитки, и прошло не меньше минуты до тех пор, когда он, лениво козырнув, опустил свою красную от мороза и, думаю, водки, принимаемой внутрь с целью сугрева, рожу.

— Капитан Тараканов, — сказал он строго. — Права, пожалуйста.

Я вытащил из бардачка водительское удостоверение и протянул ему. Капитан Тараканов... А что, это даже рифмуется: «капитан» — «таракан». Кстати, у него и усы есть. Брр, что за ерунда в голову лезет?

Капитан Тараканов без всякого интереса поглядел на документ и произнес:

— Нарушаете...

Я развел руками:

— Гололед.

— Ну что же вы, — начал он нравоучения, — что же вы, работник юстиции, а нарушаете. Создаете аварийные ситуации на проезжей части. Нехорошо, гражданин Гордеев, плохо. Придется вас наказать.

Я вздохнул и полез в карман за бумажником. Постовой зорко следил за моими движениями. Прикидывая в уме, сколько ему дать, я открыл кошелек. Тьфу! Он был пуст. Только тут я вспомнил, что, как дурак, отдал все деньги Толе Синицыну, который попросил в долг. Ну вот, теперь из-за этого мне действительно не поздоровится.

— Все, что имею. — Я вынул из бумажника одинокую десятку.

В глазах постового проскользнуло сожаление, потом короткое раздумье, а потом они стали непроницаемыми и невыразительными.

— Нарушение серьезное, — сказал он.

Я молчал.

— Придется сделать просечку.

— Ну, может быть, штраф?.. С оплатой в сберкассе? — взмолился я.

Но было уже поздно. Оплата в сберкассе капитана Тарканова явно не интересовала. Он быстро вынул из кармана маленький пробойник и сделал в моих правах дырку, между прочим уже вторую. А потом, удовлетворившись сделанным, протянул права обратно:

— Не нарушайте больше.

Настроение было препоганым. Вот так по глупости получить дырку в правах — это уметь надо. Короче, неприятности продолжались. Однако я еще не знал, что самая главная из них поджидала меня впереди.

Я иногда думаю: какую роль в нашей жизни играет случай? Ведь именно самые мелкие на первый взгляд происшествия кладут начало цепочкам событий, которые иной раз оказывают существенное влияние на нашу жизнь. А если вспомнить, с чего все началось, — ерунда какая-то, мелочь пузатая. А результаты вон какие!

Итак, ехал я домой, и настроение у меня было просто хреновое. И вдруг ни с того ни с сего захотелось курить. Вообще-то я не имею этой пагубной привычки — вдыхать в себя вонючий и вредный дым. Не понимаю людей, которые делают это регулярно. Но время от времени, когда настроение соответствующее, мне вдруг хочется затянуться. Обычно я подавляю в себе это желание, а тут решил все-таки поддаться искушению.

Зря я это сделал. А может, и не зря. Короче, судите сами. Подрулил я к первому попавшемуся табачному киоску, вылез из машины и остановился перед витриной, в которой были выставлены самые разные сорта медленного яда, одна капля которого, как известно, убивает лошадь. Выбрал сигареты покрепче — «Житан» в голубой пачке без фильтра. Если уж курить — так курить, по полной программе. Заплатил, вскрыл целлофановую обертку и уже хотел выудить сигарету из пачки, как взгляд мой упал на пространство между двумя киосками — табачным и соседним, в котором продавали напитки, жвачки и тому подобное. Проем был не то чтобы очень велик, но не слишком узок.

Из проема между киосками торчала нога. Собственно говоря, это был кончик ступни, еле заметный в темноте проема.

Ну, в общем-то ничего удивительного нет. Бомжей и алкоголиков в Москве полно, и время от времени они забираются во всякие дырки, чтобы передохнуть или спокойно раздавить свою поллитру. Ну или просто погреться. На мороз подобная публика обычно внимания не обращает.

Однако нога явно принадлежала не бомжу. Это был не стоптанный грязный ботинок, не дырявый кирзовый сапог, даже не «лапоть» из перевязанного бечевкой полиэтиленового пакета — обычная обувь бомжей и уличных бродяг.

Новенькая красная дамская туфелька на шпильке, темный чулок. Прямо скажем, неподходящая обувь для зимы. Вряд ли кто-нибудь будет разгуливать по Москве в такой обуви, если, конечно, он не поставил себе целью избавиться от своих пальцев на ногах. Что-то здесь явно не то.

Я подошел поближе и заглянул в проем. Там было темно, но я все-таки разглядел, что это молодая женщина, закутавшаяся в шубку и, судя по цвету лица, уже начавшая превращаться в ледышку. Глаза ее были закрыты.

Я протянул руку и дотронулся до ее ладони. Пожалуй, даже Снежная королева не была такой холодной.

— Эй, — негромко позвал я.

Никакой реакции.

Раздумывать было некогда. Ее надо спасти, иначе в мос-

ковских моргах сегодня одним промерзшим насквозь трупом будет больше. Я взял ее за шубу и выволок из проема. Потом закинул ее руку себе на шею, обхватил ее за талию и повел к машине. Собственно говоря, не повел, а потащил: движения ее ног едва ли можно было назвать шагами. Надо сказать, граждане, прячущие лица от мороза под зимними воротниками, не обращали ни малейшего внимания на мои манипуляции. У всех цель была одна, совсем как во времена советской власти, — поскорей дойти до теплого места. К тому же в такой мороз, если будешь по сторонам головой вертеть, рискуешь нос отморозить. Так что москвичи зимой особенно нелюбопытны.

Я затолкал девушку в машину, поправил тончайший шелковый платок на ее голове. Она оказалась довольно симпатичной, конечно, насколько это можно судить по абсолютно бледному лицу, на котором ярким контрастным пятном выделялись алые, щедро намазанные помадой губы. А еще мое внимание привлекла совсем свежая рана на щеке. Это был тонкий глубокий порез — такой бывает, если наотмашь провести бритвой. Совсем свежий, судя по следам крови. Видимо, девушка промокивала кровь платком и обтирала ее вокруг, от чего щека стала такой, словно ее покрыли румянами. А вот и платок — она сжимала пропитанный кровью кусочек ткани в руке.

В конце концов, какое мне дело? Сейчас довезу ее в Склиф, сдам врачам, и дело с концом.

Я завел мотор и поехал по направлению к Сухаревке. Время от времени мой взгляд останавливался на зеркале заднего вида, где отражалось лицо девушки. Голова ее безвольно дергалась в такт движениям машины.

Да, она определенно симпатичная. Даже, можно сказать, красивая. Блондинка, причем, кажется, натуральная, курносый маленький нос, правильные черты лица, чуть выдающиеся скулы. Пожалуй, черты лица малороссийские. А может, белорусские. Хотя нет, белоруски более миниатюрные. Была у меня одна... Ну ладно, это я отвлекся.

Между тем, попав в теплый салон моей машины (я включил печку на полную мощность), она потихоньку стала приходить в себя. Сначала задергались веки, потом дрогнули пальцы. В конце концов она открыла глаза.

Она посмотрела налево, направо, потом на мой затылок, и в конце концов ее взгляд остановился на зеркале. Наши глаза встретились.

Что это были за глаза! Я такого испуганного взгляда не видел даже в фильмах ужасов. Она смотрела так, будто перед ней находился страшный монстр. Честно говоря, у меня самого по спине мурашки побежали от этого взгляда. Я даже чуть-чуть пожалел, что сам повез ее в больницу. Надо было сдать ее в милицию. Или хотя бы тому же капитану Тараканову.

— Не беспокойтесь, — произнес я как можно более мягко, — я не собираюсь вам делать ничего плохого. Я нашел

вас на улице, где вы бы, скорее всего, замерзли. А теперь мы едем в больницу.

В глазах девушки промелькнула мысль, и они еще больше расширились.

— Нет! — почти крикнула она, мотнув головой. — Нет, только не в больницу! Прошу вас! Не в больницу!

Я покачал головой:

— У вас наверняка отморожены конечности, внутренности и вообще все, что можно отморозить. Это очень опасно. Хотя если вас устраивает дальнейшая жизнь без полного комплекта частей тела, то...

Сказанное мной несколько озадачило девушку, и она ощутила себя. Видимо, результаты не совсем ее вдохновили, но заметно успокоили.

— Вы кто? — задала она вопрос, и было видно, что это не просто праздное любопытство.

— Я — адвокат, — просто ответил я, — зовут меня Юрий. Юрий Гордеев.

Она недоверчиво покосилась в зеркало и вздохнула. Глаза ее помутнели.

— Не надо в больницу. Пожалуйста... — прошептала она и медленно съехала вниз. Я повернулся и через плечо глянул на нее. Она явно потеряла сознание.

Я ехал, задумчиво втягивая в себя ароматный крепкий дым «Житана», и размышлял. Девушка явно кого-то боится. Возможно, бежит от опасности. Или от погони. Причем эта

опасность, судя по ее упорному нежеланию ехать в больницу, может поджидать ее и в Склифе. Не нанесу ли я ей вред и не окажу ли медвежью услугу? Хотя, с другой стороны, почему она — обязательно жертва? Может быть, это несчастное замерзшее создание — преступница, бегущая от милиции. Хотя проем между двумя киосками не самое лучшее место для того, чтобы прятаться от правоохранительных органов... Но в любом случае какое тебе, собственно, дело?..

И все-таки я чувствовал, что, несмотря ни на что, мне есть дело до этой самой девушки.

Юра, ты опять влезаешь в историю, попытался урезонить меня голос разума. Однако долго говорить я этому голосу не дал. А тем более ему внимать. На ближайшем перекрестке развернулся и покатил домой.

Она была совершенно без чувств. Мне пришлось брать ее на руки и нести до лифта, а потом, когда мы дошли до двери, усадить ее временно прямо на пол. За ее одежду я был спокоен: после грязного закутка между киосками это уже ничего не значило ни для нее самой, ни для ее шубы.

Я отпер дверь, затащил девушку в прихожую, снял с нее шубу, оставил ее на полу, а девушку занес в комнату и положил на диван. Одета она была не то чтобы вульгарно, но... как-то вызывающе. Короткое облегающее платье темно-вишневого цвета, глубокий вырез на груди, связка какой-то бижутерии на шее, масса дешевых браслетов на запя-

стях. Черные чулки — чулки, а не колготки. Не похожа она на защитницу нравственности и целомудрия, не похожа...

Чуть приглядевшись, я заметил, что в области груди у девушки платье как-то странно топорщится. Как я уже сказал, платье было облегающим, и под ним явно просматривались очертания какого-то предмета. Очень, скажу я вам, знакомого предмета...

Без всякого ложного смущения я полез в декольте и вытащил оттуда... Что бы вы думали?

Пистолет. Самый настоящий. Почти невесомый, маленький пистолет. Не газовый, не имитация, не пугач какой. Самое что ни на есть боевое оружие. На пластмассовых накладках рукоятки красовался известный во всем мире любителям оружия товарный знак — три стрелы в круге и надпись: «P. Beretta». На вороненой стали ствола виднелись четкие буквы — «BERETTA MOD. 21-22 L.R. Made in U.S.A.». Чуть ниже, там, где должен быть выбит серийный номер, кто-то аккуратно сточил металл напильником. Значит, имелись причины... Да, это было замечательное оружие, надежное и, главное, маленькое и легкое. А патронов двадцать пятого калибра его магазин вмещает восемь штук. Так что, несмотря на размеры и вес, это очень серьезное оружие. Хотя, может быть, носить железку весом около двухсот граммов (именно столько весил этот пистолет) на тонких лямках бюстгальтера не так уж просто. Не знаю, не пробовал...

Эх, Гордеев, опять ты в историю вляпался! Тебе это надо?

Однако, как бы я ни ответил на последний вопрос, ничего изменить уже нельзя. Ну не выбрасывать же ее обратно на мороз только из-за того, что у нее в лифчике оказался пистолет. Кстати говоря, я автоматически отметил, что, несмотря на долгий контакт с телом, вороненая сталь «беретты» почти не нагрелась. Значит, девушка замерзла совсем. И надо срочно предпринимать какие-то действия.

На всякий случай я обыскал ее. Только не думайте, что это занятие доставило мне массу удовольствий. Ощупывать холодное безжизненное тело, даже если оно принадлежит молодой и симпатичной девушке, не слишком-то приятно, особенно если вы только что обнаружили на ней пистолет. А если где-нибудь она еще и гранату прячет?

Перед тем как приступить к реанимационным процедурам, я понюхал ствол и осмотрел магазин пистолета. К сожалению, ничего утешительного. В магазине оставалось всего два патрона, а свежий запах пороховых газов в стволе свидетельствовал о том, что из него стреляли совсем недавно.

Я спрятал пистолет в свой сейф и достал из бара бутылку коньяку. Вообще-то я его держал на случай общения с Александром Борисовичем Турецким, следователем по особо важным делам Генпрокуратуры, моим другом и наставником (очень он этот напиток уважает), но ради спасения прекрасной незнакомки... Я плеснул ароматной жидкости в стакан и поднес его к губам девушки. Чуть раздвинув их, я влил коньяк ей в рот. Она немного поморщилась, но в себя

не пришла.

Нужно было сделать что-то более кардинальное.

Я хлопал ее по щекам, подносил к носу бутылочку с нашатырным спиртом, укутывал в шерстяной плед. Никакого результата. Она будто бы впала в летаргический сон. В конце концов я наполнил ванну горячей водой и опустил в нее девушку, разумеется предварительно раздев. Кстати говоря, бельишко у нее оказалось тоже каким-то слишком уж откровенным — такое продают в секс-шопах. Ясное дело, от мороза оно никоим образом не защищало. На бедре и на ребрах я обнаружил два больших синяка. Ее явно кто-то пинал, может быть даже ногой.

Я поддерживал ее голову над водой, чтобы она не захлебнулась. Постепенно щеки стали розоветь, веки подергиваться, в конце концов она открыла глаза.

Вначале, видимо, она не поняла, где находится. Потом, оглядевшись вокруг и обнаружив, что лежит в ванне обнаженная, а рядом с ней неизвестный мужчина, она отреагировала как-то странно. Не испуг, не стеснение. На лице ее отразилась какая-то жуткая безысходность, смешанная со страхом. Она смотрела на меня буквально как кролик на удава, который вот-вот готовится им пообедать.

— Не волнуйтесь, — сказал я, — вы в безопасности. Я — адвокат Гордеев. Я уже, правда, представлялся. Ничего плохого сделать вам не собираюсь. А в ванне вы находитесь, потому что довольно долго провели на морозе. А это очень

опасно для жизни. Вы здесь отогреваетесь.

Выражение ее лица сменилось на недоумение, потом на недоверие.

— Где я? — наконец спросила она. Потом, видимо, память к ней стала возвращаться, и она проговорила. — Ах да, я помню. Вы привезли меня на машине.

— Именно, — обрадовался я. Мои усилия все-таки дали результат, — я нашел вас на улице. В больницу вы ехать отказались. Так что пришлось обходиться своими методами.

Она подвигала пальцами на руках и ногах, потом потрогала лицо.

— Меня зовут Маша, — сказала она.

— Очень приятно. А теперь, Маша, лежите спокойно и отмокайте. Не буду вам мешать. А когда согреетесь, выходите из ванны. Я напою вас глинтвейном.

Спустя минут сорок она отогрелась и в моем банном халате вышла из ванной. Судя по цвету ее лица, чувствовала она себя значительно лучше. Если бы не порез на щеке, который начал кровоточить, и испуганное выражение лица, можно было бы даже сказать, что она совсем пришла в норму.

— Присаживайтесь за стол, — пригласил я ее на кухню и поставил не стол дымящийся стакан с ароматным глинтвейном. Маша взяла его в руки и очень быстро, хотя и маленькими, чтобы не обжечься, глотками, выпила напиток. А потом опустила глаза и попросила поесть.

Я не досаждал ей вопросами: придет время, и, конечно,

ей придется все рассказать. А пока я достал из холодильника колбасу, сыр, масло, нарезал хлеб и терпеливо подождал, пока она утолит голод. А судя по всему, не ела она очень давно. Конечно, прежде всего я достал из аптечки пластырь и заклеил ее рану на щеке. Но пока что не интересовался ее происхождением.

Вдруг Маша о чем-то вспомнила, нервно вздрогнула и вновь испуганно глянула на меня. Я сразу же понял причину ее волнения:

— Не волнуйся. Я нашел твой пистолет. Он сейчас в надежном месте.

— А сумочка? — задала она вопрос, который поставил меня в тупик.

— А вот сумочки никакой у тебя не было.

Ее глаза увлажнились:

— Там были документы. И деньги. Как же я теперь домой вернусь? Меня через границу не пропу-у-устят!

И Маша зарыдала в три ручья.

— Так ты иностранка?

— С Украины.

— А здесь что делаешь?

Она опустила глаза.

Впрочем, я уже кое о чем начал догадываться.

— А теперь рассказывай, кто ты такая и как оказалась в двадцатиградусный мороз на улице. И главное, откуда у тебя пистолет.

— Нет! Не мой это! Ничего я не знаю! Я не стреляла!

Она закрыла лицо ладонями и зарыдала в голос.

Я ее успокоил как мог, а потом и говорю:

— Ну вот что, милая. Пистолет я нашел у тебя. Так что уже могу с чистой совестью в милицию сдать и забыть. Хочешь?

В таких случаях иногда лучше не размусоливать, а провести что-то типа шоковой терапии.

У Маши в глазах застыл ужас.

— Нет! — снова повторила она. — Не надо в милицию. Я для вас все что хотите сделаю.

— Мне от тебя ничего не надо. Но имей в виду, что выхода у тебя всего два. Либо молчишь и я тебя в милицию сдаю, либо все рассказываешь и тогда, может быть, мы вместе подумаем, как тебе помочь. Не забывай, что я адвокат.

— А вы не врете?

Пришлось показать ей свое удостоверение.

Маша помолчала, потом вздохнула и начала свою историю. Начала она не слишком-то охотно, но потом, напившись глинтвейна, согревшись, Маша разговорилась. Язычок у нее оказался бойкий. Даже слишком бойкий.

Рассказ Маши Пташук:

«Ну, родилась я на Украине, в Бердичеве. Не слышали?

Есть такой городишко маленький и вонючий. От Киева минут сорок по железке, если на юго-запад ехать. Еще песенка есть такая «А поезд тихо ехал на Бердичев». Что-то там про чемоданчик... Городок скучный, весь засранный, грязный, вонючий... Короче, я, кажется, с самого момента, как родилась, не чаяла, когда оттуда выберусь.

Школу закончила, потом ПТУ при станкостроительном заводе. Почему при станкостроительном? Хер его знает. Потому что все в нашей семье там работают, на этом треклятом заводе. И папаша там работает, и мамаша, и тетки, и дедки. Трудовая династия, на фиг. И я бы, наверное, там работала всю свою жизнь, если бы, на мое счастье, не случился весь этот капец Советскому Союзу и промышленность не остановилась. Конечно, папаша заставил меня в ПТУ идти, он все надеется, что жизнь наладится и завод его любимый снова заработает. И будет он туда ходить, как раньше, с борщом в эмалированной миске на обед. На мебельный гарнитур откладывать... Только сильно надеюсь я, что этого не произойдет. Никогда. Тем более что папашку своего я всей душой ненавижу. Сколько себя помню, он вечно меня будто ненароком за задницу лапал. Его понять можно: мамка-то давно уже и на бабу не похожа, бесформенный студень в юбке, но я-то тут при чем? Ужасно противно было это терпеть, но потом как-то, когда я уже в компанию боевых девчонок вписалась, молча взяла его за руку и вывернула назад. Чуть не сломала, кажется. И папашка с тех пор свои выкрутасы бро-

сил. Только смотрел на меня печально своими мутными от бухалова глазами. Ну и фиг с ним!

Вы на меня посмотрите, ну какая из меня станочница? Это ж курам на смех! Конечно, я на учебу в ПТУ сразу же забила и в основном по улицам с подружками шлендрала. Компашка у нас еще та была: Верка Кочерга, Светка Рваная — так ее прозвали потому, что в восьмом классе шпана из рабочих кварталов на пустырь затащила и там от души оттрахала. Потом в больнице все там зашивали ей. Маринка, Наташка, Милка с бельмом на глазу... Все уже вовсю по мужикам ходили, а вот я никак не давалась. То есть, конечно, если бы не компания наша, мне бы давно целку поломали, на танцульках, в подъезде, просто вечером на улице. У нас в городе это — раз плюнуть. Но то, что подружки у меня боевые оказались, это меня спасало. Они меня вроде как память о своем невинном детстве оберегали. Хотя хрен знает, что лучше... Может быть, если бы не это, не сидела бы я здесь.

А вообще, нас даже самые крутые парни побаивались. Мы, в натуре, как настоящие амазонки с собой ножи таскали, даже кастеты. В подвале отрабатывали приемы разные. Светка после того случая на карате записалась, целый год занималась, а потом этих парней из рабочих кварталов поодиночке подловила и... Нет, вы не подумайте. Без мокрухи. Да, один без глаза остался, другой без руки. Только с третьим она переборщила — позвоночник сломала, и он теперь прикован к постели. Так вот, нас Светка всех обучала, как на-

стоящий сенсей. И между прочим, скоро мы всей премудрости научились. А потом и с ножом обращаться, и с оружием, какое могли достать.

Почему, вы спрашиваете, мы, как все остальные девчонки, себя не вели? То есть тихо-мирно, тут ляг, тут сядь, тут нагнись, тут рот открой, у нас в Бердичеве с этим лихо. А к девятнадцати годам, с тремя абортами, и одним выкидышем за спиной, и с трехмесячным пузом, замуж за первого попавшегося мудака выйти? Чтобы он потом всю жизнь бухой в жопу возвращался, а ты его, вонючего и грязного, после смены ублажай по ночам? А потом роди троих детей, хорошо еще, если не уродов от рождения, и к тридцати годам превратись в старуху? Так, что ли? Ну нет, это мне не надо. И моим девчонкам тоже не надо было. Поэтому чуть кто грязными лапами полезет, мы его — раз, ножичком по пальцам и коленом по яйцам. Чтоб знал! Так что нас всякая шпана сторонилась.

Ну а больше мы ничего такого не делали. Музыку в подвале слушали, приемы отрабатывали, железки тягали, болтали о том о сем. Ну девчонки иногда своих парней приводили — они у них как шелковые были. А иногда ночью на коммерческий киоск налет сделаем, так это у нас в городе в порядке вещей. Да и брали-то — пару сухаря, конфет, шоколаду и рулет с вареньем. Очень я сладкое люблю!

Ага, спасибо, очень вкусное у вас печенье.

А я все думала, как бы мне в Москву выбраться. Я один

раз, еще в пятом классе, с экскурсией ездила. Очень мне ваш город понравился! Красная площадь, магазины огромные, все красиво, люди нарядные ходят, машины полированные, ненашенские. Хорошо! Только вот с родным Бердичевом все расстаться никак не могла. Я уже все варианты перебрала, но ничего так и не придумала. В институт не поступишь: я уже иностранка. На работу строителем или водителем троллейбуса, правда, можно устроиться. Но корячиться на стройплощадке тоже особенно не хотелось.

Так что со времени окончания ПТУ (по идее, меня, конечно, должны были выпи...ть еще с первого курса, но из уважения к нашей трудовой династии Пташукон держали и даже до диплома довели) у меня уже в голове навязчивая идея сложилась — хочу в Москву. Это как в книжке какой-то в школьной программе, так я ее, правда, и не прочитала, но эту фразу запомнила. Подруги все отговаривали — дескать, на хрена она тебе нужна, холодно, работы не найдешь. Черножопых полно. Ну а где их не полно, интересно? Говорили, поезжай в крайняк в Киев — тоже столица. Ну а по-моему, даже сравнивать нельзя. Конечно, Крещатик — это почти что улица Горького, но в остальном Киев — такая же провинция. Здесь совсем по-другому. Люди гораздо более воспитанные, вежливые, не то что наши грубияны.

Короче, я все обдумывала, как бы мне в столицу проникнуть, как выход вдруг нашелся сам собой. Есть у меня братишка родной, Петюня. На два года старше, но делово-ой!

С пятнадцати лет на улице, в компаниях всяких. А куда их дорога из уличных компаний? Правильно, или в ЛТП, или в тюрьму, или в настоящую банду. У моего братишки в голове мозги были, и он выбрал третье. Правда, сначала он в армии отслужил, а потом по контракту где-то воевал. Но, вернувшись, начал новую жизнь.

Что тут с ним стало! Ну ни дать ни взять крутой чувак из американского фильма по видуку. В кожаных куртках стал ходить, машину купил. Вся шпана в округе резко Петюню зауважала. Золотой браслет купил — это у них вроде знака, что, дескать, свой человек. Цепуру с палец толщиной стал носить. Мне тоже кое-что перепало, из тряпок там, даже колечко с камешком раз подарил. Пистолет завел, причем даже ни от кого не прятал, почти открыто носил. Мы с ним в лес ездили стрелять из него. Он стреляет потрясающе, шесть пуль одна в одну посадить может. Он в свое время даже в секции по стрельбе занимался.

А? Н-нет, не этот. Другой пистолет. У него «Макаров» был. А про этот узнаете чуть позже.

Петюня стал ходить веселый, довольный жизнью. Видимо, хорошо у него дела шли. К тому же он еще и в какую-то партию вступил, значок с трезубцем носить стал. Так что он теперь никого не боялся. Милиция-то как только этот значок видит, сразу дорогу уступает.

Однако в последнее время я что-то замечать стала, что Петя мой погрустнел. Но совсем немного. Чуть-чуть.

Короче говоря, приходит ко мне как-то Петюня и говорит: «Поехали Маша со мной в Москву». У меня от радости даже поджилки затряслись. Зачем, спрашиваю. Он что-то такое рассказал, что, дескать, его в командировку отправляют и я ему как сопровождающая дама нужна. Ну, там, если в ресторан пойти или в бар. Эх, знала б я раньше...

Ну я, конечно, ни минуты не раздумывая, согласилась. Было это две недели назад.

Петя купил мне вещичек, вот эту шубу, платья, туфли. Доехали мы до Киева, там на самолет сели и в Москву прилетели.

Ух, какая я счастливая была! Гуляла вовсю, на Красную площадь пошла, потом в парк Горького. Вечерами мы с Петюней в рестораны ходили, в клубы ночные всякие. Он там свои какие-то дела решал, я не вникала. Хотя следовало бы, но это я только потом доперла. А жили мы на какой-то квартире съемной.

Ну короче, я так была рада и даже не заметила, что Петя день ото дня становится все грустнее и грустнее. Ну я-то на него не особенно смотрела, дура, а все со всякими кавалерами в ресторанах и клубах плясала. Никого не боялась, конечно: я за себя постоять могу. Да и Петюнчик рядом, если что. Он у меня здоровый, как Шварц, который негр. Шутка.

И вот в один прекрасный день, это было дней через шесть после того, как мы приехали в Москву, так вот, вечером мы пошли не в ресторан, а поехали на такси куда-то за город.

Куда, Петя не сказал. Всю дорогу мрачный сидел, как сын. Ну я и не допытывалась, подумаешь, может, у него настроение плохое.

Подъехали мы к высоченному забору, ворота сами открылись, и попали мы в большой двор. Даже и двором назвать это нельзя, размером — как футбольное поле и такой же пустой. Ни тебе сараев, ни собачьей конуры, ни грядок в углу или кучи старых железяк, как это обычно бывает. Нет, кустики низенькие там и сям торчат, дорожки полированными камнями выложены, как на Арбате, фонари такие же. А домина-а! Размером, наверное, с Большой театр. В таком доме только какой-нибудь важный начальник жить может. Ну вроде Ельцина. Главное дело, снизу специально обученные прожектора подсвечивают, чтобы, значит, красиво, когда стемнеет, было. В общем, как есть дворец царский! У входа крыльцо ступенек на десять, по бокам собаки фарфоровые, у дверей, представляете, служанка стоит! В кружевном фартучке и с наколкой крахмальной на голове. Ну и ну, думаю, куда это мы попали?

Прошли внутрь, разделись, потом в большой гостиной оказались. Там кресла мягкие, ковры, картины на стенах... Ну, думаю, точно к Ельцину попали. Что? У него таких денег нет? Не смешите! Чтоб у Ельцина денег не было?! Он же самый главный, хоть и больной совсем. А раз самый главный, значит, самый богатый. И все тут!

Сели мы, значит, в кресла, принесли какие-то напитки,

мы посидели. Смотрю, Петюня нервничает что-то. Спрашиваю, что случилось, а он отнекивается. Все нормально, говорит, ты посиди, а я сейчас в туалет схожу. И пошел. Жду его, жду, а он все не идет. Я уже четыре сигареты выкурила и потихоньку нервничать стала. Тут открывается дверь и входит человек. Не старый еще, может, чуть постарше вас. Маленького роста такой, лысенький, с острым носом и глазками такими... ну кажется, что он прямо под кожу заглядывает. Улыбается, садится в кресло напротив.

— Здравствуйте, — говорит, — я — Владимир Максимович.

Я тоже здороваюсь.

— А ваш брат Петя неожиданно уехал. По делам.

— Как так? — отвечаю. — По каким таким делам?

— По срочным.

— Он же в туалет пошел! — У меня по спине холодок пробежал.

Этот Владимир Максимович рассмеялся и сказал:

— Ну вот на обратной дороге у него дела и появились.

А сам смотрит на меня так хитро-хитро.

Я встаю и говорю:

— Ну ладно, тогда и мне пора.

— Ну куда же вы в такое время? Сейчас уже поздно, темно. Отсюда доехать до города никак нельзя. Заблудиться можно. Поэтому вы у нас останетесь. Не бойтесь, ничего с вами такого не случится.

Я было заспорила, но потом поняла, что меня отсюда не выпустят. Пришлось смириться. Мы с ним еще немного посидели в креслах, поболтали о том о сем. Он все про меня выпрашивал, что да как. А у меня биография короткая, ничего интересного. А про себя рассказал, что вроде бизнесмен. А еще выпивкой угощал, только я не пила. Так, пару глотков сделала, и все. Я к этому делу устойчивая.

Потом повели меня на второй этаж в спальню. Елки-палки! Кровать — что твой боксерский ринг! И балдахин шелковый! А на одеяле ночная рубашка лежит. Не рубашка, а так, название одно, из тюлевой занавески, видно, сшили. Прозрачная, одним словом. Я как ее увидела, так у меня снова холодок по спине пробежал. Не к добру, думаю, все это.

Так оно и вышло.

Я, понятное дело, на себя эту рубашку натягивать не стала, только джинсы и носки сняла — и в постель. Свет тушить тоже не стала. И правильно сделала, потому что, только я засыпать стала, этот Владимир Максимович в комнату вошел без стука и шмыг ко мне. Сам в халате шелковом, одеколоном надушился, а я мужские одеколоны терпеть не могу. Воротит меня от них.

Подошел, главное, и на одеяло сел. И смотрит так на меня, будто я ему пять карбованцев должна.

— А чего же ты рубашку не надела? — спрашивает.

Я ему ответила что-то типа того, что не привыкла в занавесках спать. Он осклабился неприятно так и начинает мне

гнать, дескать, я такая красивая и распрекрасная, и глаза красивые, и волосы красивые, и пятки, и жопа. Я этот его треп послушала-послушала и вежливо так говорю, что спать хочу. А он за руку берет и гладит молча. Ну, думаю, пусть погладит, от меня не отвалится. А он все выше, глядь — под одеяло залез. Я отодвигаюсь — он за мной. Короче, лезет ко мне вовсю. И при этом говорит не переставая, как заведенный. Я пытаюсь его урезонить — говорю, не хочу я, не нравится он мне и вообще. Он лезет и лезет. В конце концов я его по руке ударила. Это ему очень понравилось, говорит, люблю строптивых девственниц. Это меня удивило, откуда ему известно, что я девственница? По моему виду этого не скажешь, правда? Ну я его так прямо и спрашиваю: откуда вам известны подробности моей физиологии? А он смеется и говорит, что братец мой, Петюня, ему рассказал. И вообще, что я у него теперь вроде как заложница. В качестве оплаты за долги, которые ему вроде бы мой Петя должен. Прикиньте? Этот козел задолжал, а я отвечай? Я спрашиваю: и долго я тут у вас кантоваться буду? Он смеется, долго, говорит.

Ну нет, думаю, этот номер у вас не пройдет.

А Владимир Максимович уже в трусы ко мне залез. И халат свой скинул, видимо, чтобы я его хрен распрекрасный увидела и растаяла. И под нос бормочет, что все равно мне отсюда никуда не уйти. Ну не уйти, думаю, это ладно. Но с тобой, пидором, я справлюсь. Беру его за руку, дергаю на себя, заворачиваю за спину и нажимаю. Он заорал благим ма-

том. Что-то хрустнуло... Вы меня поймите, я такая злая была. Ну вот ему руку и сломала. Ну, может, не сломала, может, просто вывихнула. Спасибо подружкам бердичевским, которые меня разным приемам научили и железки тягать заставляли.

Тут вбегает куча охранников и за руки меня хватает. Владимир Максимович орет от боли, но ребятам своим говорит, чтобы меня не трогали. Что, дескать, пригожусь им еще. В общем, увели его, я посидела-посидела, а потом и спать легла.

Утром меня будят охранники. Я одеваюсь и иду за ними. В гостиной сидит Владимир Максимович, на руке у него повязка. Злой весь как черт. Я, говорит, с тобой разбираться не буду, но накажу так, что ты всю жизнь свою несчастную помнить будешь. Я спрашиваю, где Петюня. Он смеется мерзко и отвечает, чтобы я про брата своего забыла уже. Потому как для меня теперь начинается новая жизнь. Охранникам подмигивает, они с меня одежду сдирают. Потом на колени ставят и к хозяину подводят. А в уши спички вставляют. Укусишь, говорят, мы по спичкам хлопнем, и на всю жизнь глухой останешься. Ну о том, что дальше было, вспоминать противно. Я и не буду.

А потом меня запихнули в какую-то машину и увезли в город.

Что вы говорите? Да нет, я не запомнила, где этот дом находится. Когда мы туда ехали, уже совсем стемнело, а обрат-

но — мне не до разглядывания вывесок было. Забор помню высокий... дом большой, ну и все.

Да, повезли они меня в город. Высадили у какого-то дома, на лифте мы поднялись, зашли в квартиру. Обстановочка так себе, дешевые ковры на стенах, мебель разнокалиберная, телевизор в углу с видиком. Куча кассет рядом, судя по обложкам порнуха сплошная. На диване и на стульях сидят широкомордые парнюги коротко стриженные. Судя по харям, бандиты. Как меня увидели — обрадовались.

— Это ты, что ли, людям руки ломаешь?

— Да, — отвечаю. Чего скрывать, раз они все уже знают?

— Ну и ну, — качает головой один из них, бугор видимо, то есть главный, — а по виду не скажешь. Худенькая, маленькая.

— Я еще не то могу, — небрежно так отвечаю. У самой, конечно, душа в пятки давно ушла от страха, но это даже как-то подстегнуло. Все равно терять нечего, думаю, так что лучше испуг не показывать.

Все засмеялись.

— Ну, как нам сказали, самого главного для бляди ты как раз и не умеешь.

— А я и не блядь.

Снова загоготали.

— Ничего. Все со временем приходит. Так что давай-ка шмотки свои скидывай. Целку твою мы потом с умом используем, а пока что...

Что мне оставалось делать? Против троих здоровенных мужиков, которые в секунду меня в порошок сотрут? Но не думайте, что я так сразу и смирилась. Я злобу затаила и стала ждать.

Короче говоря, это оказался подпольный публичный дом. В четырехкомнатной квартире жили пять девушек и трое бандитов. В двух комнатах устраивали оргии каждый день. Приходили разные мужики, мелкие бизнесмены скорее всего, развлекались. Девушки мне рассказали, что они здесь вроде пленниц. Их в этой квартире держат уже по несколько месяцев, выводят, только если клиент просит на дом ему девушку привезти. Кормят всякими обьедками, денег на руки не дают. Хотя от каждого клиента бандиты в среднем по сто баксов имеют. А каждая в день обслуживает по пять-шесть человек. Вот и подсчитайте. Барыши, конечно, огромные.

А самое главное, что все девчонки оказались землячками моими. З родной батькивщины. И попали сюда примерно одинаково — позвали их в столицу будто бы на работу в фотомodelьное агентство. Те, конечно, варезки разинули и за аферистами как овечки пошли. Ну а приехав сюда, поняли, что на самом деле это за «агентство». Но было уже поздно. Вот так и живут. Главное дело, бандиты сразу же паспорта у них отняли и спрятали. И пригрозили, что если сбегут, то их все равно на вокзале линейная милиция выловит. Что все менты у них в кармане. Насчет этого они не вралли — сама видела, как люди в милицейской форме девок «навещали».

Ну а чтобы совсем девчонки не рыпались, бандиты обещали, что через полгода отпустят и зарплату дадут. Ну а те, дуры, верили.

Прошло два дня. Меня в работе не задействовали: девственность спасала. Девки мне сказали, что бандиты клиента подходящего ищут, чтобы побогаче. Девственница на ночь пятьсот баксов стоит, а то и больше.

И вот, это позавчера было, Федя, один из бандитов, говорит:

— Готовься, Маша, сегодня у тебя главный день в жизни будет. Пойдешь сегодня на работу первый раз.

Ну я ничего не ответила, только кивнула. Пусть думают, что я смирилась. Эти подонки любили нам разные лекции читать, что, дескать, женщина должна быть покорной, послушной и все такое. Я за эти дни раз десять успела такие лекции выслушать. Но конечно, постоянно ждала момента.

И такой момент пришел. Мое счастье, что не через пять месяцев.

В общем, делаю я вид, что к ответственному моменту готовлюсь. Душ приняла, накрутилась. В квартире двое осталось — Федя и еще один, Вова. Третий, Сергей, по делам ушел. Так вот, Вова как раз в уборной закрылся. А Федя на кухне сидел. Ну я зашла на кухню, дескать, спичка для реснички мне нужна. А сама в легком халатике, который будто бы ненароком все время на груди распахивался.

Федя на меня глянул, мерзко улыбнулся и говорит:

— А ну иди-ка сюда.

И ширинку расстегивает.

Я как послушная девочка иду и на коленки становлюсь.

— Молодец, — говорит, — делаешь успехи. Давай начинай.

А на поясе у него кобура болтается. Маленькая такая. Я ее давно заметила. Пистолеты у каждого были, но Федя носил именно эту игрушечку. Еще хвастался, что она посильней «макарыча» будет.

Короче говоря, была не была, думаю. Улучила момент, когда Федя совсем расслабился, пистолет выхватила и к противоположной стене отскочила.

Федя глазенки открыл, сначала побледнел, а потом взял себя в руки:

— Эх, дура ты дура безмозглая. Пистолет-то не заряжен!

Ну, думаю, маху дала. И главное, так по-глупому... Теперь они из меня точно котлету сделают. Федя увидел, что я молчу, и продолжает давить на психику:

— Если ты сейчас положишь пистолет на стол, я никому не скажу. Ну а если нет, то не обижайся. Мы с ребятами найдем способ, как тебя приструнить.

Я сижу на полу, пистолет на Федю направлен, и думаю, что дальше делать. А этот мудака улыбается своей сальной рожей:

— Ну давай, давай. Не заряжен он!

И тут я кино вспомнила. Там про девушку, которая в налете на магазин участвовала, а потом ее в секретную тюрь-

му заточили и на специального агента учить стали. Что? Да, точно. «Ее звали Никита». Мы еще с девчонками смеялись, почему это ее мужским именем зовут. Так вот, там есть момент, когда она своего инструктора вроде как в заложники берет. Приставляет ему пистолет к горлу и ведет через весь дом. А он потом ей говорит, что пистолет не заряжен. А еще потом оказывается, что на самом деле заряжен. Короче, в дураках девку оставили.

Я этот момент вспомнила и решила попробовать. Ну с «макаровым» я обращаться могла, меня Петюня учил. А тут устройство почти такое же. Щелкнула предохранителем сбоку и на спусковой крючок нажала...

Выстрел грохнул, и у Феди во лбу дырка появилась. Он даже, по-моему, испугаться не успел. В глазах удивление появилось, и он медленно так сполз с табуретки. Даже ширинку застегнуть не успел.

Короче, замочила я его. Кровища по стене разбрызгалась.

А тут Вова из уборной выскакивает. Штаны рукой держит, в другой журнал «Деньги». Все время он его читал, видимо, бизнесменом себя мнил. Он как Федю увидел, вернее, то, что от него осталось, так и побелел.

— Т-ты, ч-т-то, — заикается и назад пятится. Конечно, в уборную он с собой пистолет не взял.

— Стой, — говорю ему так спокойно, — где паспорт мой?

— Т-там, в сейфе, — пальцем, вернее, журналом показывает в комнату.

— Открыть можешь?

Он так быстро замотал головой, что я испугалась, как бы она у него не отвалилась. Раньше времени.

— Нет у меня ключа. Его с собой Серый носит.

Я раздумывала недолго. Все равно, если бы я его в живых оставила, он с силами собрался бы и... Короче говоря, я недолго думая и Вову прикончила. Он поперек коридора упал.

А? Нет, в тот момент мне их жалко не было. Я их ненавидела. А по-настоящему жаль мне было тех дур малолетних, которых они как рабынь держали и всякие гнусности с ними проделывали. И еще деньги большие за это получали. А сколько у этих подонков потом могло таких девушек быть? А что с ними потом делают, когда они отработают свое, я знаю. Если в подмосковных лесах хорошенько поискать, думаю, много костей белых отыщется... Так что не жаль мне их было. Тогда, во всяком случае. Потом, конечно, и жалко и страшно стало. Но не тогда.

Тут девчонки сбежались на выстрелы. Увидели трупы и заголосили в пять глоток. Я им ничего говорить не стала, в комнату загнала, в которой телефона не было, и дверь заперла.

Ну, думаю, все. Соседи наверняка выстрелы слышали и милицию вызвали. Хотя пистолетик этот не слишком громко стреляет. Так, хлопок и все... Но все равно надо ноги скорее делать. Я быстро нацепила на себя то, что под руку попало,

кого-то из девчонок платье, уже собралась уходить, когда в замок входной двери вставили ключ.

Конечно, если б я тоже была такой же козой, как остальные девчонки, в этот момент со мной случился бы обморок. Трое мужиков, да еще бандитов, да еще с оружием, против меня одной... Конечно, двое из них уже трупы, но все равно это слишком. И кроме того, я понимала, что, если мне не удастся последнего, Серого, укокошить, то... И мои кости найдут в подмосковных лесах. Причем, скорее всего, окажусь я там уже сегодня вечером. Так что выбирать мне не приходилось.

Серый ввалился в прихожую веселый, выпивший. Даже песенку какую-то бубнил под нос. А чего бы ему не веселиться? На него бабы пашут. А он только деньги получает. Знаете, настоящие уголовники таких не любят. Считается, что они за счет баб живут. В общем-то так оно и есть. И на зоне им приходится несладко.

Раздумывать было некогда, и я выскочила из комнаты прямо как Брюс Уиллис. С пистолетом на изготовку. У него тотчас же улыбка с лица сошла. Потом Серый пригляделся, что в кухне творится (из прихожей через коридор все видно было), и сразу понял, что товарищам его хана. Он побледнел, перепугался, и на брюках его стало быстро увеличиваться темное пятно.

— Ключ от сейфа, — говорю, — быстро!

Никогда не видела, чтобы человек с такой скоростью вы-

ташил из кармана ключ.

— Не надо, — шептал Серый, — не надо, Машенька! Я тебе все отдам. Все деньги, вообще все!

Я для него теперь Машенькой стала! А когда... Ну ладно, вспоминать не буду.

Он шепчет и ко мне ползет. И только я сообразить успела, что задумал он что-то, как Серый нож из кармана выхватил и на меня кинулся. Руку с пистолетом перехватил и нож занес. Успел все-таки, метнулся как смерч. Только он не на ту напал. Мы с девчонками в подвале такие ситуации раз сто проигрывали. Я руку с пистолетом вместе с его рукой дернула дальше от себя, по ходу движения. Серый на ногах не удержался и споткнулся. Но ножом успел полоснуть меня по щеке.

Дальше уже дело техники. Я его руку за спину завернула и свою освободила. Он лицом вниз на пол грохнулся.

Короче говоря, я и его замочила.

Знаете, у меня как будто внутри что-то оборвалось. Я как автомат стреляла, стреляла... А потом на эту кровь смотрела. И ничего не чувствовала. И эти дырки от пуль совсем не такие, как в кино. И кровь не такая, и выражение глаз. Особенно мертвых...

А потом сейф открыла, вынула свои и девчонок документы. И долларов несколько пачек. Я их даже не считала, три сотни в сумку сунула, а остальное девкам отнесла.

— Вот, — говорю, — честным трудом заработанное. Бе-

рите и сваливайте отсюда как можно скорее. Езжайте на батькивщину и больше сюда ни ногой. А то вас тоже как соучастниц привлекут. Поняли?

Они ни слова не говоря собрались и ушли. Все на меня с испугом поглядывали и на мой пистолет. Наверное, вид у меня был в ту минуту... Думаю, что они до самой Украины не оборачивались.

А я кое-как кровь из щеки остановила, дверь аккуратно заперла и тоже ушла. До сих пор не понимаю, как это никто из соседей милицию на стрельбу не вызвал. Может, подумали, что кто-то ремонт делает, гвозди забивает?

Вышла я во двор, потом на улицу и шла очень долго. Район какой-то новый, все дома одинаковые. Я шла, шла и шла, наверное часа два. Пока не замерзла. Добралась до метро, разменяла сотню баксов в обменнике и поехала на «Киевскую». На вокзал, значит.

И тут-то до меня дошло, что домой-то мне теперь ходу нет. Помните, я говорила, что братец мой сам меня под этого богатея подстелил? То есть, как ни крути, он меня им продал. И если выяснится, что это я всю компанию укокошила, то наедут на Петюню. А значит, и на меня. И раз он однажды меня продал, то и вторично это сделает не задумываясь. А может, и хуже что сделает. А значит, не жить мне.

Так что в Бердичев мне нельзя. А куда? В Москве я никого не знаю. В России из родственников только троюродная бабка в Иркутске. Кстати, и на вокзале мне лучше не ту-

соваться, особенно с такой щекой. Помните, что я говорила про линейную милицию?

Что делать? Вчера я до одури по городу шлялась, ночевала в подъезде у батарей. Проснулась оттого что какой-то вонючий бомж меня ногой пинает. Я его место, оказывается, заняла. Ну я спорить не стала, ушла. Ну и сегодня то же самое. Самое главное, я бояться стала, что трупы бандитов уже нашли, девчонок поймали, они про меня рассказали... И теперь на меня розыск объявлен. В общем, на вокзалы я не пошла, в гостиницы тоже. А куда еще? В кино пару раз сходила. Но там не переночуешь. Короче, выхода никакого не было.

Сегодня с утра ходила по городу, ела одни сникерсы. Вот к этому киоску, где вы меня нашли, подошла и почувствовала, что сознание от холода и усталости теряю. И подумала, что нельзя падать прямо на улице, что надо спрятаться. И спряталась. Куда — сами знаете.

Вот и все».

Ну вот, Гордеев, на этот раз ты действительно основательно вляпался. Перед тобой сидит убийца троих человек, причем оружие убийства имеется. Как и чистосердечное признание.

Твои действия?

Маша закончила рассказ и сидела опустив голову. По щекам ее стекали слезы. Она то и дело хлюпала носом. Эх ты,

бедная девочка. Что же ты наделала? Хотя, с другой стороны, если бы она не убила этих подонков, что бы ей грозило? Ей и остальным девушкам из подпольного публичного дома? Не более страшной ли оказалась бы их участь? Подмосковные леса, белые кости...

Итак, твои действия, гражданин Гордеев? Как бывший работник правоохранительных органов и нынешний — органов юстиции ты обязан предпринять некоторые, абсолютно точно известные тебе действия. И самое главное — выдать преступницу. И оружие, которое ты нашел при ней.

Маша подняла глаза и посмотрела на меня.

— Что мне делать? — просто спросила она.

Ну и вопросик!

— Пока не знаю.

— Вы меня отправите в милицию?

Я помолчал, внимательно изучая ногти. Я не знал ответа.

На мое счастье, зазвонил телефон.

Я поднял трубку.

— Здравствуйте. Можно Юрия?

— Я слушаю.

Голос в трубке показался мне знакомым.

— Юра! Это я, Игорь.

— Игорь?.. — напряг я память.

— Ну неужели не помнишь? Это Игорь Вересов.

— Сколько лет, сколько зим! Погоди-ка, дай вспомнить.

Это ж сколько лет мы не виделись?

— Ну да, много. Со времени окончания юрфака всего пару раз.

Конечно, я помнил Игоря. Его голос показался мне встревоженным. Даже очень встревоженным. Неужели неприятности на сегодня не закончились?

— Рад тебя слышать.

— Я тоже. Но я звоню по делу. Очень нужна твоя помощь. Можешь приехать прямо сейчас?

Я посмотрел на часы. Половина девятого.

— Да, могу.

— Тогда срочно. Записывай адрес.

Я натянул пальто, и тут мне в голову пришла мысль: а что делать с моей новой знакомой? Оставить ее просто так нельзя. Иди знай, что ей в голову придет? Все-таки не далее как вчера она убила трех человек! И я ее почти совсем не знаю.

— Ну что, Маша, — наконец принял решение я, — мне надо идти. А тебе, во избежание всяких случайностей, придется провести несколько часов взаперти.

В конце концов, воровать у меня нечего, до пистолета она не доберется, а если вздумает выбраться через окно — седьмой этаж, милости просим.

«Вэсна, вэсна, вэсна, прыйдэ!.. Вэсна, вэсна, вэсна...»

В последнее время эта песня модной группы «Вопли Виздоплясова» постоянно звучала в ушах у Оли Мартемьяновой. Даже сегодня утром, когда она, опаздывая на занятия, поймала у метро машину, водитель слушал эту песню, и пока она ехала к университету, всю дорогу мысленно подпевала:

— Вэсна, вэсна, вэсна, прыйде! Вэсна...

Стояли самые морозные дни середины зимы. Казалось, весна никогда не наступит. А Ольге так нужна была весна! И лето! Как никогда раньше!

Тогда наконец можно будет встречаться с Костей не только в душных и шумных университетских коридорах, студенческом буфете и аудиториях. Можно будет гулять с ним по бульварам, не дрожа от холода и не испытывая неловкости от того, что все время приходится заходить погреться в разные кафе, в которых такая суетная, неподходящая для свиданий атмосфера! Слишком много людей, слишком много шума и света, слишком много высоких, уверенных в себе девиц, на фоне которых Ольга совершенно тушевалась, чувствуя себя маленькой и ничтожной.

Да, поскорей бы началась оттепель, растаяли сугробы, потекли ручьи, скорее бы солнце просушило асфальт. Весна в Москве всегда начинается неожиданно, внезапно и сразу.

Просто просыпаешься однажды, смотришь в окно, а там все течет и тает, солнце дробится в бесчисленных лужах, воробы оглушающе чирикают, а дворничиха Татьяна в оранжевой униформе легко счищает с асфальта широкой лопатой пласты почерневшего льда и бросает его с тротуара на газон, где в тени их многоэтажного дома притаился последний, оседающий с каждым днем, рыхлый грязный сугроб, из которого торчит скелет чьей-то осыпавшейся новогодней елки...

Каждый день, сидя на последней лекции возле окна, Оля мечтательно вглядывалась в краешек голубого неба над крышами соседних девятиэтажек и представляла себе, что на улице — лето. Небо уже не было по-зимнему низким, серым, бесцветным. С каждым днем оно становилось все более ясным, ярко-голубым, словно в стакан воды добавляли ультрамарина, каплю за каплей.

Хотя бы в одном в этой жизни можно не сомневаться: что когда-нибудь все-таки наступит весна. Тогда наконец Ольга сбросит с себя надоевшую длиннющую шубу, купленную матерью на свой собственный вкус, и наденет любимое кашемировое полупальто оранжевого цвета, который так идет к ее каштановым волосам и голубым глазам. Она представила, как идет в этом пальто по красивым арбатским переулкам и одной рукой держит подаренный Костей букетик мимозы, а другая рука уютно покоится в Костиной теплой крепкой ладони...

Эта картина так ярко вставала у нее перед глазами, что

Оля слышала даже стук собственных каблучков о брусчатку тротуаров на Малой Бронной, чувствовала ласковые лучи заходящего солнца, греющего им спины, когда они с Костей поднимаются к Гоголевскому бульвару.

Зажигаются фонари, и в полумраке деревьев они стоят, обнявшись, и Костя ее целует.

Все. Дальше этого фантазия идти отказывалась, как Оля ее ни прищипывала. Вершиной мечтаний оставалась романтическая прогулка с Костей по вечерней весенней Москве с букетиком мимозы в руках (можно и с букетиком ландышей, но они занесены в Красную книгу, и покупать их — значит потворствовать уничтожению редких растений, а Оля в душе была ярой защитницей природы).

С Костей Маковским она познакомилась во время зимней сессии. Точнее, после того, как она эту сессию с позором провалила.

Оле нравился английский язык, нравилось заниматься, переводить, узнавать что-то новое о культуре и мире англоязычных стран, но... Вот беда, она не производила нужного впечатления на преподавателей! Когда отвечали ее сокурсники, высокие, умные, уверенные в себе, то, даже если они допускали ошибку, педагог поправлял их со снисходительной улыбкой и отпускал с Богом, ставя в зачетку «отлично» или, в крайнем случае, «хорошо». Но стоило выйти ей, маленькой, худенькой, с тихим невнятным голосом, и преподаватели, казалось, заранее решали, что перед ними серенькая

троечница. Они даже не дослушивали ее ответ до конца, перебивали:

— Благодарю вас, переходите к следующему вопросу.

Вот и в этот раз все получилось именно так. И Оля от растерянности совсем сбилась и наделала таких глупых непростительных ошибок в устной речи, что после экзамена, стоя у окна в коридоре, готова была сама себя отшлепать по щекам. Но было поздно что-нибудь поправить. Она получила тройку на первом же экзамене.

А дальше все пошло как по заколдованному кругу. Едва экзаменатор видел в ее зачетке первую тройку, как Оля по выражению его лица догадывалась, что он уже заранее решил больше тройки ей не ставить. И от волнения и отчаяния она отвечала все хуже и хуже, так, что последний экзамен провалила уже по-настоящему — получила «неуд».

— Мартеньянова, если вы и летнюю сессию так же думаете завалить, вас отчислят, — ледяным тоном предупредила ее секретарша деканата, проштамповывая и возвращая ей зачетную книжку.

В коридорах университета царила каникулярная тишина и лень. Оля добрела до курилки, села на свою любимую скамейку, укрытую между кадками с тропической растительностью, и расплакалась, с ужасом представляя, какой скандал из-за оценок выйдет у нее с матерью. Сначала мать будет кричать на нее, упрекать, затем станет хвататься за сердце, потом — за телефон, искать связи и устраивать судь-

бу незадачливого дитяти.

Как у большинства подростков, у Оли Мартемьяновой были натянутые отношения с матерью. На домашнем фронте это выражалось в ежедневных мелких стычках.

— С твоей внешностью нельзя одеваться как вечный подросток, — поучающим тоном всякий раз твердила Елена Александровна, обнаружив в дочкином гардеробе что-нибудь из «неформальной» одежды, которую Оля покупала на сэкономленные деньги из тех, что мать выдавала на карманные расходы. — Люди не будут воспринимать тебя всерьез. Ну посмотри на себя в зеркало, что это за вид? При твоём росте метр пятьдесят три зачем тебе эти огромные ботинки? Зачем растянутый свитер до колен? На кого ты в нём будешь похожа? На Гавроша-беспризорника? Не забывай, чья ты дочь!

Оля думала про себя, что лучше бы мать была обычной женщиной. А не депутатом Государственной думы, коей являлась Елена Александровна Мартемьянова. А так... Что тут скажешь? Все ясно — надо держать марку.

Если Оля робким голосом пыталась возразить, что ей нравится свободный стиль, мать только патетически восклицала:

— Господи, ну мне в твоём возрасте не с кем было поговорить, что надеть, как надеть, носила всякое барахло, но ты-то почему так плохо одеваешься? Мне самой приходилось подбирать одежду, а ведь тогда не было ни журна-

лов, ни таких магазинов. А у тебя же все это есть. И деньги есть. Что тебе еще надо?! С жиру бесишься, честное слово. Мне перед знакомыми стыдно, да что ж это за мать, скажут, раз единственную дочь и ту совершенно забросила. Оленька, одевайся солидно, я тебя прошу. Мы ведь не богема, не артисты. Эти пускай что угодно на своих детей напяливают. Мы интеллигентные люди. Брынцалов видела во что своего сына превратил? Несчастному малышу всю голову в разные цвета покрасил под панка. И ты хочешь с ними на одну доску встать?

— Мам, а Ирина Хакамада? — тихим голосом возражала Оля, чувствуя себя совершенно несчастной. — Посмотри, как она одевается: черные джинсы, черный свитер. Ну или просто черное платье.

— Ай, — отмахивалась мать, — она же японка. Это дело другое.

В устах Елены Александровны это звучало как железный аргумент в пользу того, что японка Хакамада может себе позволить одеваться как ей угодно, а вот простой русской девушке Оле Мартемьяновой можно носить лишь классические вещи.

— С твоей внешностью сочетается только классический стиль! Ты должна одеваться скромно и с достоинством, как настоящая английская леди.

С тех пор как Елена Александровна, став депутатом Государственной думы, по своим парламентским делам побы-

вала в Великобритании, где посетила тамошний парламент и Букингемский дворец, ею овладел культ английской леди. В принципе в этом не было ничего плохого, кабы не один нюанс: к сожалению, образ этот Елена Александровна трактовала несколько своеобразно, так что из-под пера ее воображения английская леди любого возраста, от десятилетней девочки до девяностолетней старухи, выходила облаченной в строгий твидовый костюм и шелковую блузку, с высоко уложенными «ракушкой» волосами и с нитью жемчуга на шее. В дурную погоду леди надевала шляпу, лайковые перчатки и укрывалась от дождя нескладывающимся зонтиком с загнутой деревянной ручкой. Короче говоря, Мэри Поппинс какая-то!

Чтобы облагородить облик провинциальной выскочки, каковой она в глубине души себя считала, Елена Александровна незамедлительно обзавелась всеми этими атрибутами и поспешила точно так же одеть дочь. Елена Александровна считала, что, раз дочь не вышла ростом, ей нужно добирать солидности за счет тяжеловесного дамского гардероба. У четырнадцатилетней Оли появились такой же, как у матери, только на десять размеров меньше, твидовый жакет с замшевыми заплатами на рукавах, бархатные жилетки на серебряных пуговицах, шелковые блузки и костюмы из джерси. Нитка жемчуга и нескладывающийся черный зонт с крюкообразной ручкой довершали превращение провинциальной Золушки в породистую даму.

Теперь каждое утро, собираясь в гимназию, Оля должна была укладывать свои непослушные жесткие волосы «ракушкой» на затылке, а учебники носить не в удобном рюкзаке, а в коричневом портфеле из дорогой кожи с красивыми золотыми пряжками. Впрочем, портфель этот ей очень нравился.

В тот год Мартемьяновы только-только перебрались из провинции в Москву и поселились в депутатской квартире на Рублевском шоссе. Квартира была совершенно голой и неуютной, дом новый, соседи незнакомые. Впрочем, большинство соседей можно было почти ежедневно видеть по телевизору — дом населяли почти сплошь депутаты Госдумы. Когда в квартире громко разговаривали, то в разных концах коридора откликалось эхо.

В Олиной комнате из мебели поначалу стояла лишь раскладушка да старый письменный стол и, за неимением другого, шикарный стул от нового итальянского гарнитура, купленного в мебельном салоне для гостиной. На этом стуле по большей части висела одежда. Впрочем, продолжалось это недолго: через неделю в квартиру привезли мебель, оборудование для кухни, и с тех пор квартира приобрела обжитой вид.

В Москве родители словно вдруг вспомнили о существовании дочери. Они бросились наверстывать упущенное, когда у них самих не хватало времени и сил заниматься ребенком, бабушек-дедушек поблизости не было, а общественное

положение не поощряло приглашать к дочери частных учителей и репетиторов. Мало ли что скажет начальство?

Олю определили в престижную гуманитарную гимназию, где наряду с углубленным изучением английского языка школьникам преподавали основы латинского, древнегреческого, искусствоведение и музыку. Гимназия находилась довольно далеко от их дома. Непривычная к жизни в большом мегаполисе, Оля мучительно свыкалась с тем, что до школы и обратно ей теперь приходилось добираться довольно долго на маминой служебной машине.

Отношения с новыми одноклассниками у нее тоже не сложились. Стоило лишь ей появиться в классе в своем коричневом костюме из джерси, со взрослой прической-ракушкой, как свободомыслящие московские тинейджеры сочли ее занудой и кривлякой и дали кличку, как припечатали: Талула.

Оля долгое время не знала, что такое Талула, а спросить было не у кого, но по тону, с каким мальчишки произносили: «А, Талула!» — и при этом закатывали глаза к потолку и делали томный взмах рукой, изображая некую фифу, можно было догадаться, что это особа отрицательная.

Оля замкнулась в себе и так и проучилась все три года, не вылезая из своей раковины. Единственным ее развлечением в то время было скользить в носках по покрытым лаком деревянным половицам коридора в их огромной квартире и представлять, будто она катается на коньках.

Порой ей казалось, что у нее не было детства в том смыс-

ле, какой вкладывают в это слово поэты и писатели, вспоминая с ностальгией, какой красотой и тайной была наполнена в детстве их жизнь. Ничего подобного о себе Оля вспомнить не могла. Занятые работой и карьерой родители сразу взвалили на нее жизнь взрослого человека...

— Привет! — услышала она вдруг.

Поспешно промокнув бумажным платком глаза, Оля подняла голову. Рядом стоял высокий симпатичный парень, которого она иногда видела на общих лекциях. Он ей в общем-то нравился, хотя более «продвинутые» по части общения с противоположным полом девчонки с их курса считали его «ботаником», думающим только о занятиях. В отличие от них, Оля иногда мечтала когда-нибудь с ним познакомиться. И вот...

— Начался вселенский потоп? — сочувственно улыбаясь, спросил Костя.

— Да, что-то вроде, — буркнула Оля.

Оттого что ее застукали в таком неприглядном виде, ей хотелось провалиться сквозь землю.

— Кажется, мы вместе учимся в третьей группе? — спросил он. — У тебя неприятности?

— Нет, ничего особенного, — поспешно ответила она и поднялась, чтобы уходить.

— Ты торопишься? А я хотел предложить тебе зайти в буфет, выпить кофе, съесть по сосиске. Ну как?

Оля на секунду заколебалась. В свете предстоящего се-

мейного скандала рано возвращаться домой совершенно не хотелось.

— Ты всегда так внезапно исчезаешь, что за полгода у меня сегодня впервые появилась возможность с тобой познакомиться, — не то шутя, не то серьезно сказал Костя.

Эта фраза оказалась решающей.

— ...»С твоей внешностью...» Мне столько раз приходилось слышать от нее эту фразу, что я про себя думала, будто я карлик или уродец какой-то. Ну ты сам представляешь, когда мать тебе такое постоянно твердит. А дело всего лишь в моем росте. Разве я виновата, что не родилась длинноногой дылдой? У меня рост метр пятьдесят три, ну что с того? Мне же не в гренадеры поступать. А времена, когда билетерши не пропускали коротышек в кино «до 16», давно прошли! У меня такое чувство, будто мать уверена, что из-за моего роста мне уготовано во всем остальном в жизни тоже оставаться «ниже среднего». А это неверие меня убивает, понимаешь?

Оля быстро освоилась в общении с Костей и теперь всю жаловалась ему на мать.

Костя понимающе кивал. Он не перебивал ее лишними вопросами, давая ей высказаться, выплеснуть свои чувства.

Оле приходилось громко кричать, чтобы Костя мог слышать ее за грохотом музыки. Они сидели друг против друга за столиком латиноамериканского бара. Порой им приходилось так близко наклоняться друг к другу, что Оля почти дотрагивалась губами до Костиной щеки.

«Аррива ва, эль мундо ста де пье! Гоу, гоу, гоу! Оле, оле, оле!» — раздавался из динамиков знаменитый футбольный гимн Рикки Мартина, заглушаемый зажигательным соло на трубе.

— Два «дайкири», пожалуйста!

— Рекомендую тартилью с креветками.

— Ты что больше любишь, оливки или маслины?..

— Оливки есть с лимоном и с чесноком, вам какие?

«Какое потрясающее чувство, — думала про себя захмелевшая с непривычки после одного-единственного коктейля Оля. — Еще утром я его совершенно не знала, а теперь могу рассказать ему то, что никогда никому не рассказывала, словно он для меня самый близкий человек на свете...»

— Смотрел летом чемпионат по футболу?

— Конечно. Неужели ты тоже?.. За кого болела?

— За Бразилию.

— И я.

В его обществе Оля потеряла свою обычную скованность, всю жизнь мешавшую ей правильно подбирать слова, чтобы выразить свои мысли.

Темнокожая официантка поставила перед ней плоскую тарелку с тартильей — замечательной латиноамериканской яичницей с зеленью, специями и всякой всячиной и второй коктейль. Олю приятно поразило, что каждая оливка была для удобства пронзена палочкой в виде пиратской рапиры.

— Тебе здесь нравится? — близко наклонившись к ней,

крикнул Костя.

— Да!

Как ни странно, Оля впервые в своей жизни была в баре.

Матери она решила ничего не рассказывать. Ни о заваленной сессии, ни о знакомстве с Костей.

Она с детства привыкла все держать в себе.

Игоря Вересова я знал еще с институтских лет. Не скажу, что мы были с ним очень уж дружны, нет. Просто, как все студенты (он тоже учился на юрфаке МГУ, только курсом старше, чем я), сталкивались в институтских коридорах, в общежитии, куда я время от времени заглядывал. Сидели в компаниях. Выпивали, ухаживали за девушками. Так и познакомились. В одной компании понравилась нам одна и та же девушка. Ну приглашали ее танцевать наперебой, шептали на ушко всякую чушь. Бросали друг на друга неприязненные взгляды. Все шло к тому, чтобы кто-то предложил «пойти выйти, поговорить» с весьма предсказуемыми последствиями. Конечно, для Игоря, скажу я без ложной скромности. Все-таки мой разряд по боксу кое-чего да стоит.

Но закончилось все совершенно неожиданно. И для меня, и для Игоря, и больше всего для девушки. У хозяев комнаты, где мы пировали, оказались нарды. Я очень увлекался этой игрой в то время. Выяснилось, что и Игорь весьма уважает нарды, причем, так же как и я, он любил более динамичные и непредсказуемые «короткие». И остаток вечера мы с ним провели, кидая кубики и передвигая шашки. А девушке пришлось возвращаться домой одной.

Отношения у нас с Игорем Вересовым сохранялись нормальные. Не дружеские и даже не приятельские. Просто нор-

мальные. После окончания университета я почти ничего о нем не слышал. И вот неожиданный звонок. Интересно, откуда он выудил мой телефон?

Ехать было далеко — на Рублевское шоссе. Если честно, мне этот район очень не нравится, впрочем, как и все новостройки. Пыльно, пусто, тоскливо. Белые дома торчат как гигантские надгробные камни на кладбище великанов. Правда, на горизонте зеленеют замечательные подмосковные леса — единственное приятное пятно в этом мрачном зрелище. Впрочем, когда я подъезжал к Рублевскому шоссе, уже совсем стемнело, и множество огоньков и освещенных окон радовали глаз.

Я остановился у одного из однотипных домов, сверил его номер по бумажке. Точно, мне сюда. Я припарковал машину и только теперь заметил, что дом не такой уж и обыкновенный. Прямо скажем, не совсем обычный. Стоянка обнесена решетчатым забором. У подъезда — милицейский пост. Когда я проходил, меня окликнули.

— Вы к кому? — спросил строгий милиционер.

Я снова развернул бумажку.

— Квартира сто восемьдесят девять.

— Мартеньянова? — переспросил он, глянув в список перед собой.

Я замялся:

— Вроде да.

Милиционер неодобрительно поморщился и кивнул на

блестящий домофон, напоминающий сложный аппарат из фантастического фильма. Казалось, он вот-вот произнесет металлическим голосом: «Пароль?» Или еще что-нибудь в этом роде.

Я подошел к домофону и нажал три цифры — номер квартиры. Через несколько секунд мне ответил голос Игоря.

— Я слушаю.

— Игорь, это Гордеев. Я прибыл.

— Ага, заходи.

Замок щелкнул, и я оказался в чистом и просторном вестибюле. По углам даже стояли растения в горшках — фикусы, папоротники и даже бегонии. Согласитесь, чистота, а тем более растения для наших подъездов — вещь абсолютно нехарактерная. Так что если в подъезде чисто, да еще цветы в горшках, что-то тут явно не так. Ну не может быть чисто в нашем подъезде без каких-то причин. Причем очень и очень веских.

И только тут до меня наконец дошло. Есть веская причина! Да еще какая! Это же депутатский дом! Ну да, один из тех, в которых живут народные избранники. Значит... нет, я, конечно, не думал, что Игорь Вересов стал депутатом Государственной думы, — не того полета эта птица. Хотя кто знает... Какую там фамилию назвал милиционер? Мартемьянова? Ну да! Есть такая депутатша... Или депутатка? Короче говоря, я не раз слышал по телевизору в программах новостей пламенные речи женщины-депутата Мартемьяновой.

Надо сказать, они не содержали обычного депутатского ма-
разма, были дельными и логичными.

Я поднялся на лифте. В дверях квартиры меня ждал Игорь Вересов. В общем-то он не слишком изменился. Невысокого роста, темноволосый, аккуратно подстриженный, с темными умными глазами. Только вот прикинулся он теперь по-другому. Раньше все джинсики и свитерочки носил. А теперь — строгий дорогой костюм с модным галстуком. Да и в глазах появилось что-то такое, ранее не имеющее места.

Уверенность.

Игорь посмотрел на меня как-то оценивающе и протянул руку:

— Привет, Юра.

— Привет, Игорек. Или теперь тебя только по имени-отчеству?

Игорь улыбнулся. Увидев это, я наконец понял, что означает выражение «купеческая улыбка». То, что изобразил Игорь Вересов на своем лице, полностью подпадало именно под это определение.

— Для старых друзей, — покровительственно произнес он, — никаких условностей. Впрочем, я еще не занимаю такого положения, чтобы ко мне по имени-отчеству обращались.

Интересно, какое положение занимает он сейчас? Впрочем, всему свое время.

Игорь жестом пригласил меня в квартиру. Я зашел в про-

сторную прихожую. Внутренности квартиры меня особенно не удивили. Самая обычная квартира. Жители ее явно не нуждались в деньгах, но, видимо, миллионерами тоже не были. Впрочем, квартира оказалась довольно обширной. Игорь вел меня по коридорам, сворачивал, мы проходили через комнаты... В какой-то момент мне даже показалось, что я нахожусь в каком-то учреждении. Только некоторые предметы домашней обстановки говорили об обратном. Хотя интерьеры некоторых комнат наводили на мысль о том, что хозяева много времени проводят за письменными столами, за бумагами, за компьютерами.

Наконец мы оказались в довольно большой гостиной, в углу которой располагался маленький журнальный столик и два кресла. Освещалась комната торшером. На столике стояла ваза с небольшим букетиком орхидей.

Одно из кресел занимала женщина. Я ее сразу узнал. Елена Мартемьянова, активный член одной из депутатских фракций Государственной думы. Кажется, фракция называется «Виват, Россия!». Пламенный и грамотный оратор. Судя по всему, очень самостоятельная женщина. Но не феминистка. Скорее, выходец из советской партноменклатуры.

Однако сейчас она не походила на уверенного в себе человека. Более того, взгляд Елены Мартемьяновой был растерян, пальцы нервно сжимали сигарету. Другая рука теребила перламутровую пуговицу блузки. Не надо быть психологом, чтобы понять — у нее что-то случилось. Хотя, сами понима-

ете, к адвокату просто так не обращаются. Раз я здесь, значит, действительно что-то произошло. Или может в скором времени произойти.

К большому сожалению, я оказался прав и в первом, и во втором... Но все по порядку.

Увидев меня, Мартемьянова кивнула и протянула руку. Пожав ее ладонь, я моментально вспомнил о своей сегодняшней неожиданной гостье. Рука Мартемьяновой, как и у Маши Пташук, была просто ледяная.

Игорь торопливо представил нас друг другу:

— Юрий Гордеев... Елена Александровна Мартемьянова...

Не надо было иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: Елена Мартемьянова — начальник Игоря.

— Садитесь, Юрий Петрович, — Мартемьянова указала рукой на кресло.

Я сел.

Елена Александровна опустилась в кресло. Свет от торшера упал на ее лицо, и я заметил темные круги под ее глазами, которые нельзя было скрыть никакой косметикой. Мартемьянова сегодня плакала. И много плакала.

— Игорь сказал мне, что вы в свое время работали в Генеральной прокуратуре? — задала вопрос Елена Александровна.

Интересно. Вересов, судя по всему, очень даже осведомлен обо мне.

— Да. Я был следователем и...

Елена Александровна подняла ладонь, как бы давая понять, что ей все известно:

— А потом вы ушли в адвокаты?

— Да.

Елена Александровна кивнула:

— У вас есть хорошие знакомые в прокуратуре и на Петровке.

— Допустим.

— Юрий Петрович, мы с Игорем долго советовались, перебирали кандидатуры... И в итоге остановились на вас.

Она сделала небольшую паузу, глядя прямо мне в глаза, и я посчитал возможным вставить:

— А в чем, собственно, дело?

— Я сейчас все объясню. Но перед этим вы должны обещать и гарантировать, что все, услышанное вами здесь, останется между нами. И ни один факт не станет известен третьим лицам. Кроме, разумеется, тех людей, которых мы с вашей помощью собираемся подключить к этому делу. Согласны?

Я был заинтригован:

— Конечно, согласен.

— Хорошо... — Елена Александровна резким щелчком стряхнула пепел с сигареты, — дело в том, что сегодня днем... — она посмотрела на часы, — около трех или четырех часов похитили мою дочь.

У нее на глазах снова появились слезы.

— Это произошло, — продолжала Мартемьянова, взяв себя в руки, — около МГУ. Она училась... учится на факультете иностранных языков.

— Значит, с тех пор уже прошло около шести часов? — спросил я.

— Да.

— А откуда известно время похищения?

— Очень просто. Я звонила в университет, и ее преподаватели подтвердили, что она присутствовала на последней двухчасовке. После занятий она всегда шла домой. Если же Оля куда-то собиралась, то непременно звонила.

— Вы обращались в милицию? Вы уверены, что ее вообще похитили? Может быть, она у каких-то друзей?

Мартемьянова покачала головой:

— Дело в том, что именно поэтому я и попросила Игоря пригласить вас приехать. Я уверена в том, что Олю похитили. И я не могу обратиться в милицию.

— Почему? — задал я естественный в этой ситуации вопрос.

Мартемьянова шмыгнула носом:

— По нескольким причинам. Во-первых, через час после похищения я получила вот это... Кстати, так я и узнала, что Ольга похищена.

Она пододвинула ко мне маленький магнитофон и щелкнула кнопкой. Из него слышались какие-то щелчки, по-

том длинный гудок. Это была запись телефонного разговора, сделанная при помощи автоответчика.

«Алло, — произнес голос Мартемьяновой.

— Мартемьянова? — спросил грубый мужской голос.

— Да.

— Так вот, Мартемьянова, слухай сюды, — голос явно имел малороссийские интонации, — твоя доча у нас. Мы ее того... похитыли.

— Что?! Кто это?! Что с Олей?!

— Да ты не волнуйся. Ничого з ней нэ будэ. И нэ перебывай.

— Что?! Что вы хотите?!

— Мы хотим, щобы зараз ты заткнула свою пасть. И еще щобы ты отдала то, що у тоби у сейфе лежить. Поняла?

— Что вы имеете в виду?

— Сама знаешь, — говоривший явно рассердился, — ты дурочку не валяй. Отдашь документы — получишь дочь в целости-сохранности. Не отдашь — сама знаешь, что будет. Знаешь?

— Да, да! Верните мне дочь!

— Придэ час — вернэтся. А пока — жди звонка. И имей в виду: если в милицию сообщишь или еще куды — все. С дочкой можеш попрощаться. Имей в виду, у нас и на Петровке свои люди есть».

Раздались длинные гудки.

Мартемьянова выключила магнитофон.

— Вот. Позвонили не куда-нибудь, а в мой служебный кабинет в Государственной думе.

— Во сколько?

— В половине пятого.

— И вы не сообразили определить, откуда звонили?

Мартемьянова безнадежно махнула рукой:

— Конечно, сообразила — позвонила на телефонную станцию, представилась... И конечно, звонок был из телефонной будки. В районе метро «Тульская». Они прекрасно знают свое дело.

— Судя по голосу, это украинец. Причем не просто украинец, а тот, кто и живет на Украине.

Мартемьянова пожала плечами:

— Ну и что с того? Украинцев в Москве пруд пруди. Водители троллейбусов, строители... И кроме того, я давно ожидала какой-то гадости. Но что они похитят дочь... Дело в том, что я участвую в Думе в Комиссии по экономическим отношениям внутри СНГ. И как раз курирую отношения между Россией и Украиной. Конечно, многие факты, которые мне приходится вскрывать в ходе работы, очень не нравятся некоторым кругам.

— Вы уже получали какие-то угрозы?

Мартемьянова покачала головой:

— Нет. Но все время ждала... Вы знаете, как будто предчувствовала. И потом, как мне рассказывали украинские коллеги, там некоторые очень недовольны моей деятельно-

стью. И вот чем это кончилось...

Мартемьянова готова была расплакаться, но усилием воли сдержалась.

— Как я понял, они требуют какие-то документы. Какие именно?

— Вот это и есть самое главное. Я абсолютно не знаю, что они имеют в виду. Какие документы? У меня в сейфе их полно. И очень много чрезвычайно важных. И много таких, за которые известные люди могут немало заплатить. Но я, конечно, отдала бы им любые документы, весь сейф бы отдала. Но они не уточнили. Как вы слышали, он бросил трубку.

— Ну а вы сами можете предположить, какие документы им нужны?

Мартемьянова пожала плечами:

— Честно говоря, за многие документы из моего сейфа кое-кто отдал бы немало. Например, точные данные о потерях нефти и газа в трубопроводах, которые идут из России через Украину в Западную Европу. Короче говоря, сколько Украина ворует, причем это воровство, похоже, санкционируется на самом верху. Есть документы о тайных договоренностях по поводу Черноморского флота. О махинациях в Одесском порту. О контрабанде. Закрытые данные об украинском бывшем премьер-министре Лазаренко... Понимаете, это моя тематика, и документов у меня много. Но какие именно им нужны?

— Почему же они не сказали?

— Не знаю. — Мартемьянова развела руками.

Я помолчал, переваривая все сказанное. И все-таки я не совсем понимал, почему Мартемьянова и Игорь решили обратиться именно ко мне.

— Вы, Елена Александровна, начали перечислять причины, почему вы не хотите обратиться в милицию. Вы понимаете, сейчас каждая минута может быть... — я не без труда подыскал нужное слово, — решающей.

Мартемьянова кивнула:

— Да, я понимаю. Но не могу нарушить требование банкетов. Понимаете, ведь речь идет о жизни моей дочери, а они четко дали понять, что если я обращусь в милицию, то это закончится плохо... Это раз. А два — я сама не хочу, чтобы этот случай получил огласку. Если обратиться в милицию, ее избежать все равно не удастся. Журналисты, газеты, телевидение... Мне это абсолютно не надо. Понимаете, похищение дочери — это скандал. Каждый посредственный графоманишка, гордо именующий себя «политическим обозревателем», каждая захудалая газетенка будут считать своим долгом перемывать косточки мои и моей дочери, строя свои жалкие версии. Вы же знаете, на что способны наши журналисты. На любой цинизм, на любую грязь... Их ничего не остановит. Поэтому я и не хочу никакой огласки. А если обратиться в милицию, то ее не избежать. По опыту своих коллег знаю.

Последний довод показался мне несколько странным:

пресса внушила нам, что депутаты, как и вообще все политики, постоянно нуждаются в рекламе. Хотя было бы верхом цинизма использовать этот случай в целях рекламы.

— А вы не боитесь, что утечка может произойти через меня?

Голос Елены Александровны стал металлическим.

— Игорь рекомендовал вас как исключительно порядочного человека. И я надеюсь, вы полностью соответствуете этим рекомендациям.

— Да, я понимаю, Елена Александровна. Конечно, все останется строго между нами. Но дело в том, что я по профессии адвокат. Мое дело — защита подсудимого. И...

Елена Александровна кивнула и снова подняла ладонь:

— Я все это знаю. Но мы с Игорем выбрали вас потому, что вы в свое время работали следователем Генпрокуратуры. И потом, с вашей помощью, вернее, с помощью ваших друзей мы бы могли негласно провести поиски Ольги. Ведь неизвестно, когда они позвонят, позвонят ли вообще и что потребуют за ее освобождение. Нам нужен негласный, но надежный контакт с правоохранительными органами.

Я задумался. Предложение, конечно, мягко говоря, не совсем по моему сегодняшнему профилю. Однако если подключить Турецкого... Ну и, конечно, Славу Грязнова, начальника МУРа, еще одного моего старшего друга... И потом, могу ли я отказать в просьбе о помощи?

— Ну как? — Елена Александровна с надеждой смотрела

на меня. — Согласны?

— Ну что ж, пожалуй, я согласен.

Елена Александровна протянула мне руку:

— Спасибо... Разумеется, я в долгу не останусь. И все ваши усилия будут соответствующим образом вознаграждены.

Я махнул рукой, пустое, дескать. Хотя, надо сказать, деньги мне сейчас совсем бы не помешали.

В этот момент зазвонил телефон.

Мартемьянова взяла трубку:

— Да... Да... Нет. Костя? Что?

Лицо Елены Александровны изменилось. Она схватила телефонную трубку двумя руками, как будто ее кто-то соби-
рался у нее вырвать. Я сразу понял, что звонивший сообщает
нечто важное. И скорее всего, по поводу похищения Ольги.

— Ты видел?.. В машину?.. Костя, срочно приезжай.
Срочно. Ты понял? Я сейчас пришлю за тобой машину. Где
ты находишься?

Она черкнула что-то на бумажке. Потом положила трубку.

— Это Костя. Знакомый Оли. Он видел, как ее посадили
в машину. Натянули на голову капюшон и увезли.

Мартемьянова без сил опустилась в кресло.

— Игорь, пошли машину в...

— Не надо, — сказал я, — я сам поеду за ним. И по доро-
ге расспрошу. Может быть, сразу приму меры. А вам, Еле-
на Александровна, лучше остаться здесь. Кто знает, может
быть, бандиты наблюдают за домом.

Я взял бумажку с адресом и не мешкая вышел из квартиры.

Больше всего я в эту минуту хотел, чтобы мой «жигуль» не выпендривался и хотя бы один раз в жизни повел себя по-человечески. То есть завелся сразу.

— Ну давай, старина, — говорил я, поворачивая ключ зажигания. И мой железный друг услышал просьбу своего хозяина. Мотор мерно заурчал, и я как можно скорее поехал по указанному в бумажке адресу.

Костя оказался щуплым долговязым парнишкой в очках. Таких мы в школе, да и в институте, называли «ботаниками». Его фигура, похожая на гвоздь, торчала на углу Кутузовского проспекта и улицы 1812 года. Он жил где-то в глубине улочек, уходящих вправо от Кутузовского.

— Садись. — Я перегнулся через кресло и открыл дверцу. Костя сел. Мне показалось, что делает он это не очень охотно.

— Меня зовут Юрий. Будем знакомы?

Костя слабо пожал мою ладонь. Длине его пальцев, наверное, позавидовал бы сам Ван Клиберн.

Я медленно повел машину в обратный путь.

— Итак, Костя, ты видел, как Ольга Мартемьянова садилась в машину?

Он кивнул.

— Когда это было?

— Около четырех.

— Где именно?

— Прямо напротив выхода с территории университета.

— Что за машина?

Костя вдруг посмотрел на меня и неожиданно задал вопрос:

— А вы кто?

— Я — адвокат.

— Адвокат? — удивленно протянул Костя. — И кого же вы защищаете?

Въедливый мальчишка. Настоящий «ботаник». Я немного подумал и ответил:

— В данный момент — никого. Тебе должно быть известно, что...

— А почему вы ко мне на «ты» обращаетесь? — неприязненно блеснул стеклами своих очков Костя.

Я скверно выругался. Про себя, разумеется. Эх, Гордеев, Гордеев... Быстро же ты забыл профессиональные навыки следователя. Как тебя учил Турецкий Александр Борисович? А? Ну вспоминай, вспоминай... «Вызвать доверие свидетеля — это самое главное. Если нет доверия и взаимопонимания, считай все коту под хвост. Ничего он не скажет. Просто из упрямства не скажет». И ты, Гордеев, об этом-то и забыл. Думал «ботана» очкастого нахрапом взять. Ан нет!

— Ну извини, — я посчитал, что в дискуссию о разнице в возрасте лучше не ввязываться, — могу обращаться и на

«вы». Только ты... тьфу, вы имейте в виду, что от того, насколько быстро и точно вы будете отвечать на вопросы, зависит многое. Очень многое.

Я делал ударение на каждом «вы».

Костя смерил меня взглядом из-под стекол и произнес:

— Если вам так нравится, можете и на «ты». Просто я не люблю, когда без моего разрешения фамильярность проявляют.

Колючий мальчишка. Он мне, видите ли, «разрешил». Ну что же, придется терпеть его закидоны, ничего не попишешь.

— Итак, Костя, я тебя прошу отвечать четко, быстро и ясно. Как это было. По возможности в деталях.

— Ничего особенного. Мы вышли из ворот, постояли на остановке. Я сел в автобус. Тут остановилась машина, из нее вышли двое, схватили ее под локти и затащили в машину.

— Как они выглядели?

Костя пожал плечами:

— Обыкновенно. Спортивные штаны, кожаные куртки. На головах меховые шапки.

— Какие-то особые приметы?

Костя покачал головой.

— А ты что делал в этот момент?

— Я увидел, что Олю затаскивают в машину, ну и бросился к ней. Но не успел.

— Машину описать можешь?

Костя кивнул.

— А номер? Хотя бы приблизительно, — спросил я без особой надежды.

Костя почему-то тяжело вздохнул и произнес:

— Почему приблизительно? У меня очень хорошая память. Я помню номер.

Вот это свидетель!

— А куда мы едем? — поинтересовался Костя.

— Мы, Костя, едем к человеку, который поможет нам найти Олю.

— Да-а? — недоверчиво протянул Костя.

Я не мешкая вынул из кармана мобильник и набрал номер Грязнова:

— Алло, Слава?.. Есть дело... Да, срочное... Да, очень... Нет, встретиться лучше не на Петровке... Еду к тебе.

Через полчаса всем постам ГИБДД была разослана ориентировка, в которой приказывалось под благовидным предлогом задержать темно-вишневую «девятку», номерной знак «н976в RUS». Костя оказался действительно ценным свидетелем.

А на следующее утро в Генеральной прокуратуре под грифом «Совершенно секретно» было возбуждено уголовное дело о похищении гражданки Мартемьяновой Ольги Валерьевны. Расследование было поручено Александру Борисовичу Турецкому.

Поздним зимним вечером деревня казалась безлюдной, словно вымершей. Черные силуэты изб навевали воспоминания о «Вечерах на хуторе близ Диканьки». Нигде никого. Только лай собак, разносившийся далеко в морозном воздухе, оживлял окрестности.

Над лесом на фоне иссиня-черного неба белела крупными каплями звездная россыпь.

— Какая красота! — вдыхая полной грудью чистый морозный воздух, сказал чубастый Богдан, выпрыгивая из машины и потягиваясь. — Звезды-то, звезды какие! Как груши...

Гораздо менее поэтично настроенный Михась молча направился к багажнику, открыл его и стал выбрасывать на снег коробки.

— Помоги, — буркнул он Леве.

Богдан все еще любовался пейзажем.

Дом, возле которого остановился «ниссан», стоял на горке. Внизу перед Богданом редкими огнями, как пунктиром, обрисовалось человеческое жилье: то ли большая деревня с бестолково раскиданными по холмам, далеко стоящими друг от друга домами, то ли несколько мелких деревень... Даже в темноте было видно, что дома внизу бедные, обычные деревенские дворы с покосившимися заборами, наклепленными

друг на друга дощатыми сараюшками. В стороне особняком за высоким забором высились три кирпичных особняка зажиточных московских дачников. Огней в них не было.

— Да, все-таки русская деревня скучная, — сделал вывод Богдан, озираясь по сторонам. — Ни хозяйства, ни сада. Земли вон сколько пропадает, голое поле до самого леса, хоть бы яблоню посадили, березу, так нет... Столбы одни, и те вкривь и вкось. А сараюшки-то, сараюшки! Покосившиеся, кривые, вот-вот завалятся! Нет чтобы каменные построить! Вот у меня в деревне дом, так я машину кубика пригнал, сарай отстроил — любо-дорого глядеть. И перед людьми не стыдно, и самому приятно.

— У них там сломанный трактор украшает пейзаж, — кряхтя, отозвался Лева.

Он тащил девушку под руки из багажника.

— Помоги-ка, чего рот разинул.

Богдан печально вздохнул и вернулся к работе. Он подхватил девушку за ноги.

— Еще раз предупреждаю, — сказал Лева, пока они вдвоем несли девушку от машины к воротам дома. — Бабуля моя того, немного с приветом, но не всегда, а только порой на нее находит. Будет вас чужими именами называть, бред всякий нести, не пугайтесь. Я ее с Украины несколько лет назад вывез. Она еще немецкую оккупацию пережила, так, видать, с тех пор у нее в голове что-то подвинулось не туда. Так что имейте в виду...

Михась открыл калитку. Лева и Богдан внесли девушку во двор дома и, увязая по колено в глубоком снегу, медленно стали пробираться к веранде.

— Как же твоя бабка одна тут живет? — удивился Богдан.

— А что, она самостоятельная, хоть и из ума выжила давно. Вся округа к ней за самогонкой бегают. И потом, она не одна живет, с ней дядька, ее сын, только он на месяц лег в больницу. Теперь пока вы тут с ней будете, потом я. В принципе делать ничего не надо, газовая колонка стоит, так что печки не топят, а вот воды из колодца натащить, в магазин сбегать, снег почистить — это надо... Уф, сгружай ее.

Лева опустил девушку прямо в сугроб перед дверью веранды.

— Надо ключ найти.

Он пошарил рукой в водосточной трубе и вытащил ключ от дома.

— Свет горит, — сказал Богдан, пытаюсь заглянуть через заиндевевшее окно и посмотреть, что происходит внутри дома. — Кажется, телевизор смотрят.

Лева отпер дверь. Девушку втащили на веранду.

— Показывай, хозяин, куда ее? А то бабка сейчас увидит.

— Если она и увидит, то все равно не поймет, что происходит, и забудет через пять минут.

С веранды подельники внесли девушку в маленькие сени. Лева сдвинул ногой домотканый половик, обнажив гладкие ровные доски пола. Под половиком пряталась дверка подпо-

ла. Взявшись за кованое кольцо, Лева потянул на себя и открыл лаз в подпол.

В лицо Богдана дохнуло холодом и сыростью. Вниз, в темноту, вела крутая металлическая лестница.

Подпол занимал все пространство под сенями, его использовали для хранения картошки, домашних солений и всяческих припасов. Холодный торцовый угол, отгороженный дощатым заборчиком, делили кучи картошки, свеклы и моркови, по двум теплым внутренним стенам шли стеллажи из неоструганных досок, на них плотными рядами стояла батарея трехлитровых банок с огурцами, помидорами, капустой, солянками, маринадами, вареньем, компотами и всякой всячиной. Под потолком висело несколько домашних колбас. А внизу, у полок, стояло самое интересное — несколько десятков бутылок с мутной, прозрачной или зеленоватой жидкостью, плотно закупоренных, ждущих своего часа бутылок с первоклассным самогоном, по которому баба Люба, несмотря на свой маразм, была большим специалистом. Тут же, распространяя крепкий удушливый запах, стояла огромная бадья с доходившей брагой.

— Свет там включи, — попросил Богдан. — Шею свернуть можно.

Он спустился вниз первым. Затем в подпол опустили спящую девушку, осторожно, ногами вперед. Лева, кряхтя, поддерживал ее под руки, Богдан ловил.

В это время из дома в сени вышел третий заговорщик:

невысокого роста здоровяк с детским пышнощеким лицом, носом-бульбиной и маленькими пороссячьими глазками.

— Ну как все прошло? — по-украински обратился он к Богдану, с интересом заглядывая в подпол.

— Видишь, что нормально, — ответил за товарища Лева по-русски. — Целый день тут сидел, снег не мог во дворе почистить? Ворота не раскрыть.

— Я шуфля не знайшов, — флегматично ответил здоровяк. — У бабки твоей пытался, так она молчит.

Наконец Богдан справился с задачей. Взяв девушку на плечо, он отнес ее подальше от лестницы и положил на приготовленный заранее пружинный матрас, застеленный старыми одеялами. Под тяжестью тела пружины отозвались унылым скрежетом.

Опустив руки, Богдан некоторое время молча смотрел на похищенную.

Бледная, как полотно, девушка дышала чуть заметно. Иногда дыхание прерывалось, но через короткий промежуток опять восстанавливалось.

— Ну как она там? — сверху спросил Лева, засовывая голову в подпол. — Подымайся скорее, есть охота.

— А я знаю? — ответил Богдан. — Ты медик, ты и проверь.

Тяжело вздыхая, Лева спустился в подпол, наклонился над девушкой. Отлепил от ее лица клейкую ленту, убрал платок. Посмотрел, почесал в затылке.

— Мда, кажется, переборщили мы с этим эфиром. Не хватало нам, ко всему прочему, еще и мокрухи. Ты знаешь, сколько нам светит по российскому законодательству за похищение?

— Сколько?

— От пяти до пятнадцати лет.

— Ого! — присвистнул Богдан.

— То-то и оно. Статья сто двадцать шестая. Часть третья. Так что сам понимаешь...

Большими пальцами рук Лева приподнял девушке веки.

Широкие черные точки зрачков не сузились, когда на них упал луч света. Роговицы глаз тускло, безжизненно поблескивали. Из угла полуоткрытого рта по подбородку тоненькой струйкой стекала слюна. Признаков жизни девушка не подавала.

Богдан даже испугался, но выдавать свой страх перед Левой стыдился...

— Прямо как та обдолбанная чувиха из «Криминального чтива», — со смешком выдавил он, хотя у самого мурашки по спине поползли.

Лева не ответил, и Богдан решил, что дело совсем плохо.

— Она вообще не кончится? — испуганно прошептал он.

Лева пожал плечами и начал нащупывать пульс на шее девушки. Под пальцами ощущалась вялая, неритмичная ниточка пульса.

— Сердце слабо работает, — сказал он.

— И теперь что?

— Ничего, — ответил Лева, и трудно было понять, что звучало в его словах: равнодушие или спокойная уверенность. — Тут прохладно, отойдет. Пошли пока, перекусим.

— Как бы совсем не замерзла.

— Ничего с ней не будет. Я специально матрас у теплой стены положил.

Он взял с полки две банки с маринованными грибами и солянкой, сунул под мышку, кивнул Богдану:

— Огурцов еще с помидорами возьми, — и полез по лестнице наверх.

— А это? — Богдан с надеждой кивнул в сторону призывно поблескивающих бутылок.

— Не сейчас, — Лева нахмурил брови, — а то бабка бушевать начнет. Она по этому делу строгая. Мы потом, когда она уснет... Потом, пиво есть.

Люк подпола заперли сверху навесным замком.

— Плохо, что лестница приварена, не вытянуть, — сказал наблюдающий сверху здоровяк.

— Ничего страшного, ей отсюда не выбраться.

Левина бабка сидела в передней за круглым столом, покрытым клеенчатой скатертью, и с отрешенным видом рассматривала картинки в детской книжке. Читать она не умела.

— Здорово, старая! — оглушительным голосом поприветствовал бабушку Лева.

Старуха даже не повернула головы. Послюнив палец, она аккуратно перелистнула страницу.

Лева с грохотом выставил на стол перед бабкой стеклянные банки.

— Гера, ты тут целый день сидел, надеюсь, хоть пожарть приготовил?

Флегматичный здоровяк с детскими щеками лукаво улыбнулся. Ни слова не говоря, он исчез в сенях и появился, неся в обеих руках огромную сковороду жареной картошки, поставил ее на стол и снова исчез за дверь.

Богдан, не раздеваясь, сидел возле печи, уставившись в одну точку, и думал о чем-то своем. На лице его застыло задумчивое выражение.

Вошел Михась, одним взглядом оценил обстановку. Похозяйски уселся в центре комнаты, у окна, бросил на стол нераспечатанную упаковку баночного немецкого пива.

Гера выставлял на стол все новые блюда. Была тут и яичница-глазунья на шкварках, и нарезанный толстыми ломтями голландский сыр, и грибы, и красные домашние помидоры в глубокой миске. В довершение всего он принес поджаренные в духовке румяные куриные окорочка.

Богдан засопел, с неодобрением поглядел на пиво и, набравшись мужества, произнес:

— А чего, баб Люба, самогонкой не угостишь?

Бабка, услышав знакомое слово, оторвалась от книжки и глянула на Богдана. В ее водянистых зрачках появился

СМЫСЛ.

— Дорог нынче самогон-то. Не укупишь, — произнесла она четко и раздельно.

— А мы постараемся. Заплатим, — весело сказал осмелевший Богдан, вытаскивая из кармана бумажник, в котором содержалась пухлая пачка, состоявшая из украинских гривен, российских рублей, литовских латов, польских злотых, американских долларов и даже узбекских сомов.

— Как в банке. Выбирай — не хочу, — сказал он и протянул пачку бабке. При этом Богдан подмигнул подельникам, мол, повеселимся сейчас.

Увидев деньги, бабка заблестела глазами и окончательно закрыла свою книжку. Чуть сощурилась, она безошибочно вынула из предложенной ей пачки зеленую десятидолларовую бумажку, профессиональным движением провела морщинистым пальцем по портрету, проверяя, не фальшивая ли, и мигом спрятала купюру в многочисленных складках своей одежды.

— В подполе пятилитровую бутылку возьмите, — сказала она и вернулась к своей книжке.

Все присутствующие, кроме, понятно, Богдана, приснули со смеху. Последнему, конечно, жаль было десятки, но желание отведать бабкиного самогона оказалось сильнее. И Богдан, не без труда забыв о долларах, исчезнувших в руках ушедшей бабы Любы, присоединился к всеобщему веселью.

Лева в это время куда-то незаметно отлучился и вернулся

с традиционной пятилитровой бутылью, запечатанной самодельной пробкой.

— Грушевый, — с гордостью сказал он. — На кремнях. И еще марганцовкой очищена. Бабка свое дело знает.

Он с трудом, зубами вытащил огромную пробку и всем по очереди дал понюхать из горлышка. Гера облизнулся.

— Мне не наливай, — брезгливо поморщился Михась. — А ты що, хлопчина, зажурывся? — обратился он к Богдану.

Тот криво усмехнулся, пожал плечами и, стряхнув с себя оцепенение, подсел к товарищам. Однако задумчивое выражение так и не исчезло с его лица.

Налили, выпили. Самогон действительно оказался замечательным. Подельники с наслаждением выпили ароматной забористой жидкости. Потом каждый потянулся к приглянувшейся закуске. Завязался разговор на смеси украинского и русского, потому как Лева, хоть и был в душе «свядомым украинцем», на родной мове не говорил по причине своего «москальского» происхождения. Однако он понимал беглую речь и время от времени встречал в общий разговор. Отвечали ему по-украински, но потом, забывшись, переходили на русский.

Старуха, не принимая участия в застолье, сидела за столом. Время от времени она сурово поглядывала на гостей и на большую бутыл.

— Баба Люба, это хлопци с Украины! — гаркнул ей на ухо Лева.

Старуха пошевелила бровями, как филин, но ничего не ответила. Трудно было разгадать, понимает ли она вообще, что происходит. Видимо, единственное, что на время могло вернуть ей рассудок, была купля-продажа самогона.

Лева решил подурачиться:

— Глядите, глядите.

Он вынул из рук старухи детскую книжку и вложил вместо нее яркий иллюстрированный журнал с голой девицей на обложке. Все невольно замерли, ожидая бабулиной реакции.

Старуха внимательно посмотрела на девицу, поплюнула палец и с тем же бесстрастным выражением на лице принялась перелистывать скользкие глянцевого страницы.

— Зря ты так на нее, — заявил Гера. — Я тут с ней день побув, так она получше некоторых соображает.

— Ага, — обиделся Лева. — Я-то ее получше знаю. Это она с виду божий одуванчик, а сама один раз мои права сожгла. Я их на ночь забыл спрятать, оставил тут на подоконнике, а ей ночью в башку ударило, будто война, а я свой партбилет на окне оставил. Ну корочки-то красные! И сожгла. Казала, «щоб немцы не знайшли». Ну пришлось новые выправлять. А что делать?

Михась в разговоре почти не участвовал, ждал, пока хлопцы наедятся, а сам пил пиво, закусывая соленым арахисом, и переводил взгляд то на Богдана, то на Леву. Неожиданно он встал, поправил ремень с массивной металлической пряжкой и гаркнул:

— Богдан Мысько!

Лева даже вздрогнул. Богдан вскочил, по-военному вытянулся в струну, по-особому отдал батьке честь. Ладонь его сначала коснулась левой стороны груди, затем, сложив вместе указательный и средний палец, Богдан приложил их к правому виску.

Лева понял по интонации, что Михась требует от подчиненного доложить по всей форме о ходе операции, и струхнул. Не то чтобы он чувствовал за собой какой-то грешок, но его пугала вся эта казарменная атрибутика, окружавшая жизнь его товарищей из Львова.

«О Господи, ну зачем нужен этот театр? Как будто за идею нельзя бороться культурно, интеллигентно, без всяких «упал-отжался», — думал он, испытывая в душе страшный дискомфорт.

Что, если и его «батька Михась» станет вот так же дрессировать, приказывая, что ему делать? К счастью, до этого пока не дошло, но кто знает...

«Тут у нас своих баркашовцев хватает, не хватало только чужих», — шевельнулась предательская мыслишка.

Но Михась, получив от Богдана исчерпывающие ответы и наказав Геру за неубранный снег тремя сутками «аришту», обратился к гражданскому участнику команды совершенно другим тоном:

— Тебя, Лева, благодарю за выручку. — Михась крепко пожал ему руку и сунул Лева в ладонь свернутые трубочкой

доллары, от чего тот сразу расслабился. — Это на всякие расходы. Об остальном, как договаривались.

Лева, очень довольный, заулыбался.

Михась засобирался. Застегнулся, поправил шарф. Богдан и наказанный Гера вышли с лопатами во двор расчистить снег перед батьковой машиной. Лева держался от них особняком.

— Ты, как хозяин, за девчонкой приглядывай, не позволяй моим детюкам ее обижать, — улыбаясь, сказал на прощание Михась. — Будь за старшего. Без моего приказа ничего с ней не делать. Кормить, поить, и точка. Я вернусь через пару дней. Смотрите у меня тут, — добродушно улыбаясь, добавил он, — приеду — шкуру спущу.

Лева, скукожившись от холода в одном свитере, все же пошел провожать батьку до машины. На прощание Михась еще переговорил о чем-то со своими подчиненными. Лева в это время потихоньку разжал ладонь и полюбопытствовал, сколько ему обломилось от Михася. Оказалось, пятьдесят баксов.

Леву кольнуло легкое разочарование. Он надеялся, что Михась от щедрот своих отстегнет долларов сто.

«А батька жиловат, — подумал он. — Ну да фиг с ним, мог бы вообще ничего не отломить, мы же не договаривались. Хотя прокорми попробуй эту свору».

Он новыми глазами посмотрел на друзей-украинцев, бодро разгребавших лопатами снег с улицы к забору.

«Один Гера сколько сожрет. Да еще девчонка. Трое... А сколько они тут пробудут? Неизвестно. Так, пожалуй, они все сами и проедят».

Эта мысль его сильно огорчила, но он решил не подавать виду. Все равно внакладе он не останется. К тому же у Левы в голове созрел некий план...

Попрощавшись за руку с Михасем, Лева подождал, когда батькин «ниссан» тронется с места, и побежал назад, к дому.

Оля медленно отходила от наркоза. Ее душил сухой кашель, сильно саднило в горле: эфир вызвал раздражение бронхов. В полубреду, плохо осознавая, где она и что с ней, Ольга лежала на пружинном матрасе и пыталась припомнить, что же с ней случилось.

В подполе было темно, только сверху из узкой щели пробивался слабый лучик света: в сенях горела лампочка.

Рукой Оля нащупала стену. Она была холодной, шершавой.

«Кирпич», — подумала она.

Голова работала медленно-медленно, мысли словно пробивались сквозь толстый слой ваты.

«Вата», — эхом отдалось в мозгу.

Тело ее стремилось куда-то, торопило ее сознание. Так, бывает, просыпаешься рано утром в субботу, садишься рывком на постели, помня, что пора одеваться и куда-то бежать, а потом до тебя медленно доходит, что сегодня выходной и можно спать, спать...

Оля попыталась сесть. Тело ее помнило, что она должна была куда-то спешить, идти или ехать, но куда? Зачем?

Она села и спустила ноги на пол. Голова закружилась еще сильнее, словно она долго каталась на быстрой карусели. К горлу комом подкатила тошнота. Оля не смогла подавить ее, только успела приподняться, расставить пошире ноги, как ее вырвало.

В изнеможении она снова опустилась на матрас и потеряла сознание.

У нее в голове проплывали сцены из детства, мама, папа, Тимошка... Школа, институт... Костя...

Через некоторое время она пришла в себя и села, прислонившись спиной к холодной стене. Огляделась по сторонам.

После рвоты ей стало немного легче. Она провела по себе рукой, с удивлением ощутила под пальцами шелковистый мех.

«Я в шубе», — медленно проплыло в сознании.

Затем в памяти проплыла залитая солнцем, заснеженная улица, высокие сугробы... Пар изо рта... Запах бензина... «Лореаль — вы этого достойны»... Щит рекламы на автобусной остановке...

И вдруг разбитый на отдельные осколки день сложился в единое целое, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе.

Оля вспомнила, как ее силой затолкнули в старые «Жигули», что стояли рядом с автобусной остановкой, и что за рулем машины сидел тот самый парень, которого она встре-

чала несколько раз возле своего дома. Он выгуливал собаку. С ним был еще кто-то, он сел рядом с ней и заткнул ей нос и рот мятой тряпкой. Наверное, тряпка была пропитана каким-то химическим составом, от которого она сразу потеряла сознание...

Что же было потом? Она с трудом вспоминала. Все происходящее запечатлевалось в ее сознании как сквозь сон. А может, это и был сон? Кажется, в какой-то момент она пришла в себя, открыла глаза. Было темно. Вокруг горели огни. Какой-то многоэтажный дом, свет из окон... Высокая темная машина. Ее опять тащили куда-то. Потом узкое темное пространство... Сильная тряска... Холод...

«Меня положили в багажник», — догадалась Оля.

Она ощупала свои запястья. Так и есть, клейкую ленту, которой связывали ей руки, не распутали, а просто перерезали, и она осталась на запястьях.

«Там был кто-то третий», — подумала она.

Перед ее глазами четко встала картина: один человек связывает ей руки лентой, другой прижимает к ее лицу мокрую тряпку, от которой исходит все тот же тошнотворный запах... Но был кто-то третий, кто не участвовал во всем этом, а неподвижно стоял в стороне и наблюдал, опершись об открытую дверку багажника. Оля видела его одно мгновение, и свет из окон бил ему в спину, мешая ей хорошенько рассмотреть его лицо, но на мгновение они встретились взглядами, и взгляд этого неподвижно наблюдающего чело-

века вызвал в ней ужас гораздо более сильный, чем все манипуляции с клейкой лентой...

Оля снова попыталась встать. Колени ее дрожали, хотя в принципе она почти не испытывала страха. По крайней мере, так ей казалось...

Глаза ее быстро привыкли к темноте. В скупом свете, падающем из щели в потолке ее камеры, Оля увидела тускло поблескивающие ряды стеклянных банок.

«Подвал!»

Она на ощупь пробралась вдоль полок. Пол был цементированный, стены кирпичные. Она наткнулась на загородку для овощей, потом на металлическую лестницу, ведущую вверх. С трудом взобралась по лестнице и осторожно толкнула крышку люка, ведущего в подпол. Но он не шелохнулся. Оля, конечно, и не питала больших надежд на то, что люк окажется открытым. Ее радовало, что между досками пола и дверцей есть небольшая щелочка, в которую она может видеть, что происходит наверху.

В сенях горел свет. Оля из своего укрытия видела покрашенный коричневой половой краской порог и кусок стены, обитой сосновой вагонкой, и большую голову кабана с клыками, висящую на стене.

«Чучело... Похоже на охотничий домик. Или дачу. Чей-то дом...»

Она услышала голоса, затем шаги. Прямо у нее над головой заходили половицы, и грубые черные ботинки прошага-

ли мимо нее. Заскрипела дверная ручка, ботинки переступили через порог и скрылись. За ними прошагали кроссовки и еще одни ботинки: на модной добротной подошве из какого-то серого пластика, с коричневыми вставками. Снова слышались голоса. На этот раз Оле удалось разобрать слова.

— Если она орать задумает, на улице слышно будет?

— Только возле дома, и то вряд ли... Да сюда никто и не заходит. А решит орать, опять усыпим.

Ботинок на пластиковой подошве сдвинул половику на полу, и Оле в лицо посыпался сверху песок и мелкий сор. Она отпрянула от щели, а когда через некоторое время снова выглянула, то, к своему глубокому огорчению, убедилась, что люк подпола сверху закрыли ковром. Из щели больше не проникал свет. Ничего не оставалось, как спуститься с лестницы и вернуться на матрас.

В подполе было прохладно. Оля закуталась в шубу, положила голову на пыльный матрас и закрыла глаза. Мысли потекли своим чередом, и спустя несколько минут Оле даже показалось, что никакого похищения нет и что лежит она в своей комнате, сейчас ночь... А скоро наступит утро, пора будет идти в институт... Вот только ноги почему-то страшно мерзнут. Оля почему-то вспомнила, как в детстве хотела стать фигуристкой. А родители в шутку пугали ее, что, мол, отморозит ноги на льду... И еще много чего вспоминала Оля, пока ее мозг проваливался в сон...

...В детстве Оля мечтала заниматься фигурным катанием

или балетом, но сначала их семья жила в маленьком районном городе, где не было ни балетной студии, ни катка. Потом мать перевели на работу в областной центр, и Оля смогла один год позаниматься в секции фигурного катания. Тренер считал ее перспективной для парного катания — маленького роста, не без таланта, с огоньком и внешними данными.

Но потом родился младший брат — Тимофей. Тимошка... Елена Александровна вышла на работу через три месяца после рождения сына, а Оля переквалифицировалась в няньку. На спорт времени не оставалось.

— Ничего, доченька, подожди, потерпи, — утешала ее Елена Александровна. — Скоро Тимошка вырастет, и ты продолжишь заниматься. Посмотри, как он быстро у нас растет. Всего одну зиму ты с ним побудешь, а потом я найду няню...

Первая нянька была дальней родственницей Мартемьяновых, то ли троюродной сестрой Олиного отца, то ли его троюродной племянницей. Все называли ее тетя Софа. Это была полная женщина с черными волосами, уложенными короной вокруг головы. Любой одежде она предпочитала яркие цветастые длиннополые халаты, у нее их имелось штук сто. Стоя в таком халате посреди кухни, уперев руки в бока и высоко подняв голову с царственной прической, тетя Софа вселяла в окружающих чувство уважения и полного порабощения. Елена Александровна перед ней заискивала. Оля просто ее боялась.

Тетя Софа нигде не работала, имела вторую группу инвалидности — еще в молодости, работая на швейной фабрике, она получила производственную травму. С тех пор она получала от государства двадцать пять рублей пособия и умудрилась на эти деньги купить машину, а каждую осень ездить по туристической путевке в Болгарию. Мартемьяновы считали ниже своего достоинства выяснять, откуда у тети Софы берутся деньги на эти житейские удовольствия.

— Лена, это не наше дело, — говорил Валерий Николаевич, когда на семейном совете решалось, приглашать или не приглашать тетю Софу.

Некоторое время спустя Оля слышала, как мать, секретничая со своей подругой, обронила фразу:

— Говорят, у нее любовник — генерал.

Когда подруга сделала большие глаза и молча кивком указала на Олю, игравшую в той же комнате, мать ответила:

— Да ну! Она еще ничего не понимает.

Тетя Софа переселилась в их трехкомнатную квартиру. С собой она перевезла старинную ручную швейную машинку «Зингер» и баул с выкройками и отрезами. Ее поселили в детской и отдали ей Олину кровать, а Олю перевели спать на диван.

— Пожалуйста, потерпи, — снова попросила мама. — Это временно. Мы скоро купим тебе и Тимошке новую кровать. Помнишь, ты хотела двухъярусную кровать с лесенкой, чтобы спать наверху? Мы с папой купим ее, если ты пока согла-

сишься поспать на диване.

«Двухэтажная» кровать была розовой мечтой ее детства. Оля с готовностью пожертвовала няньке свою уютную кровать.

И началась новая жизнь. Елена Александровна уезжала на работу к девяти, Валерий Николаевич, который в то время занимал пост главного редактора областной газеты, должен был ежедневно быть на службе к десяти часам. Обедали оба на работе. Вечерами старались сменять друг друга на «боевом дежурстве» по кухне. Когда мама приходила домой пораньше, то папа задерживался, и наоборот.

Пока родителей не было, тетя Софа все время строчила на своей машинке, а все дела по дому просила выполнять Олю. Стоило ей вернуться из школы, как тетя Софа тут же командовала:

— Деточка, нужно сходить в молочную кухню за смесью и соком. По дороге зайти в гастроном, возьми сметаны, булку черного и два батона. Вот тебе еще деньги на пирожные. И не говори маме, что ты ходила.

Вернувшись из магазина, Оля должна была следить за большим чаном, в котором кипятились детские пеленки. Тетя Софа по телефону договаривалась с клиентками:

— Можете приходить на примерку. У меня другой адрес, запишите, улица Советская, полукруглый кирпичный дом за универсальным магазином, рядом с остановкой. Вы его сразу заметите.

— Не говори маме, кто к нам приходил, — просила тетя Софа. — Я тебе отдам все красивые лоскутки. Хочешь?

У нее была целая коробка великолепных лоскутков шелка, нейлона, тафты, панбархата, парчи, органзы, муара, шифона, кружев... Оля не могла перед ними устоять. Елена Александровна долгое время ни о чем не догадывалась.

— Какой у вас спокойный ребенок! — стали поговаривать сначала соседи, потом знакомые. Говорили с восхищением и тайной завистью: — Мы никогда не слышали, чтобы он кричал. Когда к вам ни придешь, Тимошка спит. Просто чудо. Как вам повезло!

Елена Александровна сначала улыбалась и кивала. Потом начала беспокоиться. По всем справочникам ее шестимесячный сынуля уже должен был жить активной жизнью, гулить и пытаться ползать. Но Тимошка все время спал, и даже когда его будили и выкладывали на животик, он флегматично поворачивал голову на бок, засовывал в рот кулачок и неподвижно лежал, уставившись в одну точку.

Но самое ужасное началось, когда однажды тетя Софа попросила выходной и уехала к своей дочери в другой город. Тимошка ревел, не смолкая, весь день и всю ночь. Он не ел, не спал, не хотел купаться, не лежал у мамы на руках, а кричал надрывно, корчась и захлебываясь от крика.

Семья не спала всю ночь. Под утро, когда у ребенка внезапно подскочила температура, Елена Александровна вызвала «скорую помощь». В больнице дежурный педиатр долго

не мог понять, почему ребенку стало плохо. Результат анализов оказался неожиданным: шестимесячный малыш страдал от абстинентного синдрома, который встречается у детей хронических алкоголиков, привыкших с молоком матери регулярно получать дозу алкоголя.

Елена Александровна не могла поверить своим ушам.

— Но ребенок с трех месяцев на искусственном питании, я не кормлю его грудью, — убеждала она врача. — Может быть, это ошибка?

Нет, ошибки быть не могло.

Она сгорала от стыда. Ей казалось, что все врачи в больнице приходят в ее палату только для того, чтобы посмотреть на известную в области должностную особу, оказавшуюся тайной алкоголичкой.

Истина всплыла во всей своей неприглядности. После короткого домашнего расследования выяснилось, что драгоценная тетя Софа подмешивала в молочную смесь маковый отвар, чтобы ребенок спал сладким сном и не мешал ей работать.

Ее выгнали, дело замяли — не судиться же с собственной родственницей...

...Оле самой казалось, что ее напоили маковым отваром. Во всяком случае, голова плыла куда-то, тело почти онемело, и, если бы не окончательно остывшие ноги, она бы давно заснула. А тут, ко всему прочему, сверху стали раздаваться громкие разговоры подвыпивших бандитов...

...После отъезда Михася вечер принял более непринужденную форму. Хлопцы пили бабкин самогон, запивая его компотом и оставленным батькой немецким пивом. Лева воспрянул духом, почувствовав, что его оставили тут за главного. Поскольку он по-украински не говорил, Богдан и Гера полностью переключились на «москальскую мову», которой на самом деле, разумеется, владели лучше, чем родной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.